

Евгений Никуш

РОДНЫЕ

*автобиографическая
повесть*

18+

Евгений Никуш

Родные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68877306

SelfPub; 2023

Аннотация

Они родные. У них нет имён, только родство и родственные роли. Они всегда сообща готовятся и вместе встречают Новый год. Он восьмилетний мальчик, испытывающий сильную привязанность к маме, из-за чего родные, включая отца, считают его маменькиным сынком. Алкоголизм отца, тяжёлая болезнь мамы, порванные семейные узы... Ему предстоит повзрослеть, обрести веру, чтобы удержаться на краю и познать, что родные способны обмануть, сделать больно и просто вычеркнуть из жизни. Он попытается возобновить прерванное общение, чтобы доказать им, кто он на самом деле. Но родные ли они?

Содержание

ГЛАВА 1. ЕДИНЕНИЕ	4
ГЛАВА 2. НЕПОСЛУШАНИЕ	11
ГЛАВА 3. СВОЕВОЛИЕ	26
ГЛАВА 4. РАЗВЛЕЧЕНИЕ	37
ГЛАВА 5. ОТРЕЧЕНИЕ	45
ГЛАВА 6. ИСПЫТАНИЕ	51
ГЛАВА 7. ВОЗДАЯНИЕ	62
ГЛАВА 8. ПРЕОДОЛЕНИЕ	78
ГЛАВА 9. ПРОЩАНИЕ	96
ГЛАВА 10. ОТКРОВЕНИЕ	115
ГЛАВА 11. ПРИГЛАШЕНИЕ	124
ГЛАВА 12. РАЗОЧАРОВАНИЕ	138
ГЛАВА 13. РАВНОДУШИЕ	147

Евгений Никуш

Родные

ГЛАВА 1. ЕДИНЕНИЕ

Для большинства жителей нашей страны встреча Нового года является самым любимым и, что примечательно, самым семейным праздником. Когда дома за общим столом собираются родные или близкие друг другу люди, весело провожают год уходящий и встречают новый. Я в этом отношении никогда не являлся исключением.

С того момента, как помню себя, каждый год 31 декабря я с родителями приходил встречать Новый год к бабушке и деду, родителям моего отца.

С маминой стороны, мои вторые дед и бабушка жили в другом городе, и виделись мы в основном летом, когда приезжали к ним погостить в мамин отпуск.

Кроме нас, встречать следующий год приходили моя тётя – младшая сестра отца с мужем и дочкой, моей двоюродной сестрой, которая была на полгода старше меня, а также из соседнего города обычно приезжал мой дядя – средний брат отца.

В то время, как бабушка с дедом жили в трёхкомнатной квартире типовой пятиэтажной хрущёвки, я с родителями

проживал в малосемейном общежитии, где у нас были две небольшие комнаты, одна из которых наполовину служила кухней. С точки зрения вместимости и удобства размещения всех, родовое гнездо отца и его брата с сестрой, как нельзя, лучше подходило для всеобщего семейного празднования.

1992 год приближался к концу, а я оканчивал первое полугодие первого класса общеобразовательной школы. За неделю до наступления нового года, в выходной день я с родителями пришёл к деду и бабушке, куда также подтянулись мои тётя и сестра. Первым поводом для семейной сходки было обсуждение и составление праздничного меню, а также распределение обязанностей, кто и что возьмёт на себя для приготовления. По понятной причине, бабушка назначила себя ответственной за горячее, а остальным достались салаты и закуски.

Вторым поводом стала ёлка, которую нам с сестрой доверялось нарядить к празднику. Войдя в большую комнату, на балконе мы увидели зелёные хвойные лапы, плотно закрывавшие большую часть окна. Глазами мы с нетерпением шарили по сторонам в поисках заветной коробки с ёлочными украшениями, которые хотелось рассмотреть, как следует. Щелкнув шпингалетами, дед открыл балконную дверь и втащил пушистую ель в комнату.

– Путь постоит немного в тепле, согреется. Игрушки в этой антресоли, – указав пальцем на шкаф, произнес дед. – Идите пока чай пить, бабушка колобки испекла!

В маленькой и душевной кухне все дружно чаёвничали и что-то бурно обсуждали. За то время пока мы пили чай с колобками и грели свои уши за столом, в углу комнаты дед установил ёлку в большой банке, по-хитрому закреплённой толстой проволокой между ножками перевернутого табурета. Комната начала наполняться запахом еловой хвои и смолы, который сразу создавал ощущение праздника. Мы достали коробку с украшениями и стали разглядывать игрушки, бусы и гирлянды. Некоторые из них выглядели достаточно истрёпанными и, очевидно, висели на ёлках во времена, когда наши родители были такого же возраста, как я и сестра. Наряжая новогоднюю ель, мы настолько увлеклись, что совершенно не услышали, как в дверь позвонили.

Ещё одной причиной для нашего визита, ожидаемой больше всего с нетерпением, была новость о появлении в доме щенка. Возвращаясь домой, отец сестры заметил в котельной возле работы, троих щенков, недавно появившихся на свет, и предложил принести одного из них деду, который подумывал, чтобы взять себе собаку и ездить с ней в лес или на дачу.

Когда в прихожей послышались шум и оживлённые голоса, мы стремглав выбежали из комнаты. Возле входной двери стоял отец сестры, из-за пазухи которого на нас глядела чёрная мордочка с маленькими искрящимися глазами. Щенок походил на пушистый уголёк, шерсть которого была покрыта жирной сажой. Незамедлительно взяв щенка под свою опе-

ку, вместе с бабушкой мы аккуратно отмыли его и, накормив тёплым молоком, положили возле батареи на одеяло, где он сразу уснул тихо поскуливая. Так в доме деда и бабушки появился новый постоялец, оказавшийся на деле пепельно-серого окраса с чёрными кончиками ушей.

В последний день декабря, когда родители вернулись с работы, в нашем доме начались суматошные приготовления к встрече нового года и к девяти вечера с салатами и закусками мы отправились к деду и бабушке. В их доме уже гостил мой дядя, который на этот раз, как мы поняли, приехал не один, а со своей невестой, чтобы представить её родителям и всем нам. Вслед за нами на пороге появились разнаряженная тётка с мужем и моей сестрой. Семья была в сборе.

В ярко освещённой большой комнате в одном углу разноцветными огнями сияла украшенная ёлка, а в другом неким «Голубым огоньком» искрился телевизионный экран. По центру стоял большой стол, к которому, отчалив из кухни в порядке очерёдности в хрустальных судах, пришвартовывались украшенные блюда, разносолы, мандарины и конфеты. Под столом с дедушкиной тапкой лежал щенок, пытающийся разгрызть её своими маленькими острыми зубами.

Изнывая от томительного предвкушения начала семейного застолья, я наконец-то дождался, когда все собрались за праздничным столом и начали провожать уходящий год, по традиции не ругая его, а вспоминая только хорошее. Вокруг стола происходила оживленная беседа, прерываемая смехом

или очередным тостом. Я с сестрой и щенком на руках по больше части молчали и слушали разговоры взрослых. В полночь по телевизору пробили кремлёвские куранты и 1993 год заступил в караул. В воздухе зазвучали громкие поздравления и пожелания друг другу пресловутого нового счастья. Закончив дарить и разворачивать подарки, вся семья вновь сконцентрировалась за столом и продолжила чествовать наступивший год. Спустя пару часов, утомлённым от шума и веселья, нам с сестрой рекомендовали отправиться на боковую, а наши родители с дядей и его невестой, как стало понятно по разговорам, собрались идти на городскую ёлку, установленную на главной площади.

Вытащив из кладовки два матраса, бабушка постелила нам в спальне на полу, что мне доставляло огромное удовольствие, поскольку такая возможность выпадала нечасто. С радостью разлегшись на полу, в освещаемой уличным фонарём тёплой спальне, я и сестра уснули под смех и нетрезвые весёлые крики, доносившиеся с улицы.

Утром, проснувшись ближе к десяти часам, я увидел, что между нами в ногах сладко спал щенок. Тихо и аккуратно переступая через спящих на полу, я вышел в большую комнату, где по-прежнему в центре комнаты стоял уже постпраздничный стол. Из многочисленной хрустальной флотилии на нём оставались полупустые посудины с солёными огурцами, домашним лечо и шоколадными конфетами. Услышав доносившийся звон посуды и плеск воды, я проследовал на кух-

ню. Бабушка мыла посуду, оставшуюся с ночи, а дед, сидя возле окна, пил кофе, аромат которого сразу ударял в нос.

– Доброе утро! Первый проснулся, – произнесла бабушка.

– Доброе утро! Да, все ещё спят, – ответил я.

– Завтракать будешь? – спросил дед.

– Чем?

– Салаты остались, горячее ещё есть, – сказала бабушка.

– А оливье?

– Есть, есть, – улыбнувшись, ответила бабушка.

Некоторое время спустя в кухне появилась заспанная сестра, а ещё через час начали пробуждаться остальные.

Ближе к полудню всей семьёй мы вновь сидели в большой комнате за столом, чтобы то ли позавтракать, то ли пообедать. Во время трапезы дядя предложил приготовить солянку, которая, по его мнению, нравилась абсолютно всем и была его фирменным блюдом. Коллективно одоблив его желание, каждый занялся своими делами. В первый день года мы с сестрой играли с щенком, бабушка прилегла вздремнуть, мама с тётёй принялись мыть посуду на кухне, где уже за приготовлением своего фирменного суетился дядя, фанатом которого, по правде, я не был и не стал по сей день.

Просидев до часов семи вечера, вкусив и насладившись дядюшкиным кулинарным шедевром и, конечно, ещё пригубив за наступивший год, все стали расходиться по домам. Дядя со своей невестой оставались у деда с бабушкой ещё на четыре дня и обещали за это время зайти в гости к нам.

Вечером 1 января ждать автобус можно было крайне долго, если даже не бессмысленно, поэтому я с родителями возвращался домой пешком, шагая с подарками по снежным и полупустым улицам города. По пути нам встретилось несколько незнакомых человек, вынужденно блуждающих по улицам вслед за своими четвероногими меньшими братьями. Завидев нас, они все, как один, радостно восклицали: «С Новым годом!». Во многих окнах домов горел свет и из открытых форточек доносились застольные разговоры и смех.

Держа маму за руку, я шагал, сожалея, что праздник закончился так быстро и надо опять ждать целый год. В этот день я ощущал некое единение всей нашей семьи, которое представлялось мне дружным хороводом родных, крепко держащих друг друга и вращающих колесо жизни посолонь. Тогда мне верилось, что так будет всегда, но время-судья, вынося вердикт, решит иначе, разуверив меня в родных людях.

ГЛАВА 2. НЕПОСЛУШАНИЕ

Мама рассказывала, что я был спокойным и послушным ребёнком, и она никогда не имела особых хлопот со мной. Думаю, она просто очень сильно любила меня, а я всегда чувствовал, что нужен ей. Со своей стороны, я любил маму не меньше и эмоционально был сильно привязан к ней, что в результате порождало во мне страхи, самым сильным, из которых был остаться без неё.

Очень хорошо помню с детства, если мама задерживалась на работе и не приходила домой в привычное время, это вызвало у меня беспокойство и тревогу. А если же мама задерживалась на более длительное время, часа три-четыре, то я начинал нервничать и плакать, листая альбом с её фотографиями.

В наши дни, это может казаться глупостью, поскольку телефон есть под рукой практически у каждого, даже ребёнка, и связаться с человеком, находящимся в городе, не вызывает затруднений. Но во времена моего общежитского детства домашнего телефона у нас не было, а мобильные ещё не продавали, поэтому возможности сообщить или предупредить меня о своём несвоевременном возвращении у мамы не было. Когда мама задерживалась, конечно, я был не один дома, а вместе с отцом, но его присутствие никогда не придавало мне спокойствия. Вспоминая детские ощущения, я никогда

не чувствовал надежности и нужности рядом с ним. Успокаивать меня он не имел привычки, мог только сказать типа «Хватит реветь!» или «Успокойся!».

В ноябре 1994 года мама сообщила, что ей необходимо лечь в больницу для удаления двух кист из нижней десны, которые обнаружили при лечении зубов. Не знаю, было ли решение родителей совместным или только мамы, но с отцом на это время меня не оставили.

– Пока я буду в больнице, ты некоторое время поживешь у бабушки с дедушкой, – сообщила мама, глядя на меня с улыбкой. – В школу и из школы правда придется ездить на автобусе. Они живут далеко, но ты ведь у меня уже взрослый! Справишься?

– Да. Справлюсь, – неуверенно ответил я. – А кошка? С кем она будет?

– Кошка поживет с папой дома, – ответила мама, а помолчав недолго, продолжила. – Ну, если хочешь, можешь остаться с кошкой и папой.

– Ладно. Поживу у бабушки с дедом, – смиренно ответил я.

Спустя несколько дней утром мы вышли с мамой из дома. Я с рюкзаком за плечами, а мама с сумкой необходимых вещей для больницы. Проводив меня до школы и поцеловав напоследок, мама сказала: «Всё, давай беги на уроки. Сегодня после школы едешь к бабушке. Сядешь на автобус № 19 и доедешь до остановки «Центральный рынок», оттуда дой-

дешь до их дома. Помнишь, как дойти?».

– Да, помню!

– Ключи взял от квартиры?

– Взял, – нащупав ключи в кармане, ответил я.

– Ну всё, давай беги. Люблю тебя!

– И я тебя. А когда я приеду к тебе?

– Операцию сделают, потом придёшь с папой или с бабушкой, не переживай!

Мы попрощались и разошлись возле школы каждый в свою сторону.

Закончив уроки, я добрался до безлюдной квартиры. Дед с бабушкой были на работе, а меня радостно встретил их пёс, виляя хвостом.

Вечером следующего дня к бабушке пришёл отец, очевидно, навестить меня.

– Завтра маме делают операцию, – сообщил он.

– Мы завтра поедem к ней? – поинтересовался я.

– Вечером тебя заберу и съездим.

От его утвердительного ответа мне стало веселее, и я уже с нетерпением ожидал завтрашний вечер.

– Как дела в школе? – продолжил он.

– Нормально, – ответил я воодушевленно.

– Уроки-то делаешь?

– Да, делаю, а бабушка проверяет. Если что не так – говорит об ошибках. Она же учительница!

Я продолжил делать уроки в комнате, а отец пошёл в кух-

ню, где его родители пили чай. Из кухни я услышал, как отец спросил: «Ну как он вчера? Не ревел?».

– Грустный ходил весь вечер. Особо ничего не поел, – отозвался бабушкин голос. – Когда спать лег, всё всхлипывал, потом уснул.

На некоторое время в кухне повисло молчание и только доносились звуки отхлёбываемого чая.

– Маменькин сынок, – вдруг произнес отец.

– Наверно, – буркнул дед.

Затем последовали слова бабушки, которая начала что-то говорить на своём родном коми языке, после которых на этом же языке заговорил дед. Мой отец молчал. Я знал, что он всё понимает, хотя сам никогда не пользовался им для общения. Я же, в свою очередь, не понимал абсолютно ничего кроме того, что речь велась обо мне. Следует признаться, впоследствии, родные за глаза неоднократно употребляли в мой адрес выражение «маменькин сынок». Поначалу не понимая, я спрашивал себя с недоумением: «Чей же я должен быть, если не мамин?». Истинное значение этого понятия я узнал позже.

На следующий день бабушка, придя после работы, сказала: «Я звонила в больницу, сообщили, что маме сделали операцию. Всё хорошо. Она уже в палате отходит от наркоза». Я с нетерпением ждал отца, чтобы поехать к маме. Когда же он появился, я молниеносно оделся и заторопился с ним на автобусную остановку.

Поднявшись в палату, я поцеловал маму и сел на край кровати, взяв её руку. После перенесенной операции она с трудом говорила, произнося слова медленно и осторожно. Я просидел рядом до тех пор, пока часы приёма для посетителей не подошли к концу и нас уже попросили удалиться. Поцеловав маму на прощание, я сказал, что приеду к ней завтра.

– Мы завтра приедем к маме? – спросил я отца, выйдя из больницы.

– Не знаю, посмотрим, – ответил он.

– Почему? – с тревогой спросил я – Я же пообещал, что приеду!

– Может с бабушкой или дедом приедешь.

– Ты скажи им, чтобы они со мной завтра съездили! Скажешь? – не унимался я.

– Да, – сухо ответил отец.

Когда отец привёз меня обратно, на пороге нас встретила бабушка.

– Ну, как съездили? Все нормально? – спросила она.

– Нормально, – произнес отец, стоя у двери.

– Как чувствует себя ваша мама?

– Ей говорить трудно, – снимая ботинки, ответил я. – Мы завтра поедem к ней?

– У меня, наверно, не получится, – вдруг озвучил отец. – Вон с бабушкой может съездите или с дедом.

– Хорошо, хорошо. Съездим завтра, – затараторила ба-

бушка.

– Ладно, мам, я пошёл, – произнёс отец и взглянул на меня. – Давай, пока! Уроки делай!

На следующий день, вернувшись из школы, я быстро сделал все уроки и стал ждать с работы бабушку, которая пришла ближе к трём часам дня.

– Ты уроки сделал? – устало опустившись на диван спросила она.

– Да, – ответил я. – Когда мы поедem в больницу к маме?

– Ой, не знаю. Дед с работы придёт, посмотрим.

Теперь подобное смерти ожидание растягивалось ещё на пару с лишним часов, до появления дома деда.

В комнате, сидя за письменным столом, в привычное время я услышал, как своим ключом дед открыл дверь. Раздевшись, он прошагал в кухню, а затем проследовал в комнату, где была бабушка. О чём-то недолго поговорив на непонятном мне языке, дед вошёл в мою комнату.

– Привет! – улыбнувшись, сказал он. – Как дела в школе?

– Хорошо! Все уроки я уже сделал.

– Молодец. Мы, наверно, в больницу не поедem, – не глядя на меня, произнёс дед.

– Как? Почему? – почти выкрикнул я от неожиданности.

– Но, поздно уже. Пока доедем...

– Каждый день что ли ездить? Вчера же были! – вдруг прозвучал голос бабушки, которая появилась в дверном проёме.

– Да! Я же обещал, что приеду! – дрожащим голосом про-

изнес я.

– Завтра съездим. Я с работы приду и поедем – ответила бабушка.

Почувствовав, что к моим глазам подкрадываются слёзы, я уселся за стол, опершись головой на обе руки. Дед с бабушкой что-то ещё проговорили, а потом вышли из комнаты, оставив меня одного. Меня одолевала назойливая мысль, что мама меня ждёт, и я обещал ей приехать. Вместе с ней во мне кипели чувства обиды, несправедливости и злости.

Следующим утром я проснулся воодушевленным с чётким намерением идти в больницу после школы самому, что порождало внутри меня волнительный трепет. На уроках я вспоминал месторасположение и мысленно прокладывал дорогу к больнице, которая находилась относительно недалеко от моей школы. До намеченной цели было два маршрута: первый – длинный по малолюдным и грязным улицам; второй – более короткий через широкий пустырь и большие трубы теплотрассы. Досидев последний урок, полный решимости я сделал свой выбор в пользу более короткого пути, так как очень хотел успеть попасть к маме до начала тихого часа, во время которого в больницу уже не пускали.

На улице было ветрено и по-зимнему холодно. Морозы стояли около недели, но снег не спешил покрывать стылую землю. Я поспешил через пустырь по замершей тропинке. Дойдя до больших труб тепловой трассы, в стороне под ними я заметил кучу грязных вещей, матрасы и какие-то коробки.

С наступлением морозов, здесь устраивали свои труппы и обживались городские бездомные. Стремительно прошмыгнув под трубами, я сам не заметил, как оказался перед зданием республиканской больницы. Войдя внутрь, я напрямиком направился к лестнице, но вдруг меня остановили.

– Ты куда? – раздался строгий голос из окна с надписью «Справочная».

– В девятую палату, – испуганно ответил я, произнеся мамину фамилию.

– Отделение какое? Здесь девятых палат много.

– Челюстно-лицевая хирургия, – запомнив непростое название, выговорил я.

Из окна послышалось шуршанье бумажных листов журнала.

– Она ходячая, может спуститься! Сейчас пригласим, жди! – ответили из справочной, проворачивая диск телефона. – Она сейчас на перевязке, потом спустится.

Через некоторое время мама увидела меня, сидящим в вестибюле больницы. Её большие глаза наполнились удивлением, а на лице появилась сияющая улыбка.

– Привет, дорогой! Ты с кем тут? – обнимая и целуя, спросила мама.

– Один! – переполняемый радостью ответил я.

– Как один? Почему?

– Я сегодня после школы решил к тебе прийти сам. Я обещал тебе, что приду вчера, но никто не захотел со мной

ехать!

– Боже мой! Я, конечно, вчера ждала тебя, но потом решила, что, видимо, не получилось...

– Я хотел, очень хотел! Дед с бабушкой мне обещали, а потом не поехали, сказали: «Чего каждый день ездить!» – перебив маму, сказал я.

– Как ты добрался-то сюда?

– Пешком, через пустырь! Я вспомнил, что однажды мы с тобой и папой шли так и проходили мимо этой больницы.

– Да ты что! Не смей там никогда ходить один! – испуганно произнесла мама. – Слышишь? Пообещай мне!

– Обещаю. Больше не буду! А если вдоль улицы? Только так дольше будет.

– По улице можно, только через дорогу осторожнее, – произнесла неуверенно мама. – Может ты не будешь больше сам приходить после школы? Голодный ведь, да и идти долго и не удобно.

– Нет! – решительно ответил я. – Я лучше сам! Они потом опять будут говорить, что устали или слишком поздно!

Мама ничего не ответила, только смотрела на меня любящими добрыми глазами, и я чувствовал, что она очень рада мне.

– У тебя послезавтра день рождения! Тебе будет 10 лет! Ты у меня уже такой взрослый!

– Да, только ты в больнице. Я не хочу праздновать. Мне без тебя будет грустно.

– Прекрати, – улыбнувшись, сказала мама. – Меня выпишут, и мы отметим вместе! Если будет грустно тебе, то мне тоже будет очень грустно.

Я просидел у мамы в больнице около часа, а когда вышел, на улице падал снег, начавший белить дорогу, землю и голые деревья.

Ближе к вечеру с работы вернулась бабушка.

– Сейчас дед придёт и поедем к маме! – почти с порога сказала она.

– Я уже был у неё, после школы! – с гордостью ответил я.

– Как так? Ты почему ничего не сказал?

– Вы же не смогли вчера поехать, поэтому сегодня я пошёл сам!

– Без разрешения? Это же далеко! – возмутилась бабушка.

Когда с работы вернулся дед, следом за ним появился отец, и бабушка незамедлительно поведала им о моих похождениях после школы.

– Тебе больше делать нечего? Ползаешь там! – сердито спросил отец.

– Почему? – не понимал я. – Просто я хотел увидеть маму. Они мне обещали, а потом не поехали!

– Не смей больше шляться там! После школы сразу домой! Понял?

– Понял, – ответил я, заведомо зная, что понимать не собираюсь.

– Ишь, чего придумал! – вставила бабушка. – Раз сегодня ты уже был, чего тогда опять ехать? Завтра поедем!

Я равнодушно согласился, не чувствуя ни малейшего разочарования или обиды от принятого ими решения.

По какой-то причине на следующий день в школе у меня отменили два последних урока, и я решил заглянуть к себе домой, потому как очень соскучился по кошке, которая наверняка тоже скучала по мне. Открыв дверь своим ключом, я увидел, как кошка спрыгнула с дивана и побежала ко мне навстречу с поднятым вверх пушистым хвостом. На моих руках она начала громко мурлыкать и тереться головой о мою шею. Насладившись объятиями, кошка спрыгнула на пол и стала стремительно носиться из комнаты в комнату. Обычно так она начинала игру в догонялки. Я, конечно же, с радостью составил ей компанию и стал бегать за ней. Удирая, кошка залезла за диван, в своё излюбленное место, куда заглянув, я увидел её два светящихся глаза и стеклянную бутылку. Обнаруженная находка оказалась раскупоренной бутылкой водки, добрая половина которой была употреблена по своему назначению. На кухонном столе одиноко лежал засохший кусок хлеба. В мойку была сложена грязная посуда, оставленная с вечера, а в мусорном ведре обнаружилась пустая бутылка из-под портвейна.

Изредка отец приходил с работы выпившим, объясняя свое состояние чьим-то днём рождения или каким-то праздничным событием, но я никогда не замечал, чтобы он рас-

пивал дома. Насыпав в кошачью миску корм, я отправился в больницу к маме, как обещал, не через пустырь, а напрямиком по улице.

При встрече я рассказал ей, что заходил домой проведать кошку и обнаружил две бутылки.

– Может ты ошибся или не разглядел? – подумав, спросила мама. А потом настороженно продолжила. – Думаешь он выпивал?

– Я не знаю. Будто похоже на то, – неуверенно ответил я.

– Ладно, потом разберемся. Как твои дела в школе? Как поживает кошка?

– Всё нормально. Кошка тоже, правда скучает, – ответил я с досадой. Вспомнив наказ отца, произнёс. – Мама, только не говори, что я был у тебя! Отец, бабушка и дед, когда узнали, что я приходил вчера один, ещё и без разрешения, запретили ходить к тебе.

– Так может и не надо приходиться? Я же не обижусь! – с улыбкой произнесла мама.

– Нет! Я хочу! Мне не трудно! Бабушка сказала, что мы сегодня вечером к тебе приедем, так что вечером я ещё раз приеду.

Мама заулыбалась и крепко обняла меня, прижав к себе.

– Хорошо, если тебе так хочется, – ответила она и протянула мне деньги. – Если завтра соберешься, купи мне, пожалуйста, кефир, творожный сырок и какую-нибудь булку или слойку.

– Конечно! Обязательно найду в магазин и куплю! – обрадовавшись, ответил я, будто от этого события зависела дальнейшая участь.

А вечером с отцом, бабушкой и дедом я навестил маму во второй раз. Перед нашим уходом, отведя отца в сторону, мама о чём-то недолго поговорила с ним.

Следующим утром бабушка разбудила меня и, поцеловав в честь дня рождения, подарила красивый джемпер с орнаментом. Войдя следом, дед пожал мне руку и поздравил от себя. Я с удовольствием надел обновку и поехал в школу, а после, купив, что попросила мама, взял привычный курс на больницу.

С небольшим пакетом в руках ко мне спустилась мама.

– С днём рождения, сынок! – нежно произнесла она и, поцеловав, вручила пакет. – Извини, что так. Подарок за мной, но чуть позже.

– Спасибо! – ответил я с восторгом, открывая пакет, в котором лежали два яблока, апельсин и плитка шоколада. А после вручил ей свой пакет.

– А это тебе, что ты просила!

– Спасибо, дорогой мой! Тебя поздравили сегодня? – заинтересовалась мама.

– Да! Бабушка с дедом утром подарили джемпер! – ответил я и, скинув куртку, продемонстрировал полученный подарок. – А ещё меня поздравили в школе всем классом!

– Красивый джемпер! Здорово!

– Мам, но твой подарок лучше! – сказал я, разворачивая обёртку шоколада.

– Сегодня вечером отпразднуете, – крепко обнимая меня, произнесла мама. – Вечером папа придёт и родственники. Поздравят тебя.

– Да, но тебя не будет! Я хочу с тобой!

– Не переживай и не расстраивайся. Сегодня же твой праздник! Я думаю тебя скоро выпишут.

После работы к бабушке и деду пришёл отец с тортом, который, я думаю, он купил по маминой просьбе, а также подошли тётя с двоюродной сестрой. Бабушка накрыла праздничный стол, и мы отметили мой десятый день рождения, который хотелось побыстрее закончить.

Спустя несколько дней мама сообщила, что её выписывают. С отцом мы договорились, что после школы я пойду домой и подожду его, чтобы вместе встретить маму из больницы. В назначенный день я с радостью побежал домой, где громко мурлыча, меня встретила довольная кошка. Дома было прибрано, а в холодильнике, кроме куска сыра и открытой банки с майонезом, больше ничего.

Около трёх часов дня пришёл отец, от которого тянуло алкогольным духом.

– Привет. Ну чё, идём за мамой? – произнёс он.

– Привет! Может я лучше сам?

– Почему?

– Ты вроде бы выпил.

– Дурак, что ли? Одевайся, пошли!

По морозной улице мы шагали рядом друг с другом, не произнеся ни слова на протяжении всего пути. Только хруст снега под ногами сопровождал наш молчаливый дуэт. Выйдя из больницы с сумкой в руках, мама поприветствовала нас и поцеловала меня, а потом отца.

– Ты выпил что ли? – тихо спросила она.

– Да нет. Немного! На работе угостили, – произнес отец, взяв мамину сумку из рук.

Мама тяжело вздохнула. Было заметно, что она явно не в восторге от такой встречи. Отец с сумкой зашагал впереди, а мы, взявшись за руки, поодаль от него.

– Мам, надо будет зайти в магазин. Дома ничего не приготовлено, – тихо сказал я. – Можно купить пельменей и сварить по-быстрому!

– Как? Хорошо, давай зайдем. Придумаем что-нибудь, – недовольным голосом ответила мама.

По дороге мы зашли в магазин, чтобы купить продукты и пачку пельменей на ужин, а после наконец-то были дома вместе.

ГЛАВА 3. СВОЕВОЛИЕ

Потеря родного человека всегда неожиданна независимо от обстоятельств и событий, предшествующих ей.

Впервые новость о смерти родного для меня человека я услышал в январе 1995 года. В дверь постучал почтальон и вручил маме телеграмму с пометкой «Срочно», в которой сообщалось, что её отец – мой дед умер. Из комнаты я услышал, как входная дверь закрылась, и раздался громкий плач. Подбежав к маме, я обнял её и, взяв из рук телеграмму, прочитал печальное известие.

Мамины родители – дед с бабушкой жили далеко в другом городе. Каждое лето, во время отпуска и каникул, мы приезжали к ним. Их дом был для меня вторым домом, где почти с самого рождения всё было знакомо, и где меня всегда искренне ждали и любили. Мне рассказывали, что именно здесь, по своей воле, дед с бабушкой крестили меня в старой церкви тайком от родителей, которых потом по факту поставили в известность. Впрочем, мама не была против, так как сама периодически посещала православную церковь, даже во времена, когда занимала должность секретаря комитета первичной комсомольской организации на заводе электропрямителей.

Бабушка работала билетёром в кинотеатре, что конечно, позволяло мне свободное посещение любых киносеансов, за

исключением тех, когда, по мнению бабушки, показывали слишком взрослые фильмы. Во время премьеры очередной кинокартины, когда распродавались все билеты, и в зрительном зале не было свободного места, я всегда мог посмотреть художественное полотно из аппаратной, находясь по соседству с крутящими киноплёнку бобинами.

В 90-ые годы прошлого столетия вместо кафетерия на втором этаже кинотеатра, открыли видеосалон. Небольшой зал с очень плотными бордовыми портьерами, которые создавали абсолютную темноту, и висящим на стене под потолком небольшим телевизором с видеомагнитофоном. Иногда мне разрешалось смотреть там забугорные мультфильмы или боевики. Но когда по долгу службы бабушка занималась проверкой билетов на очередной киносеанс или отлучалась в зрительный зал, я, вопреки её запретам, тайком пробирался на второй этаж и из-за портьеры, занавешивавшей вход, смотрел самое разное с жутковатым синхронным переводом. С тех пор, я искренне полюбил искусство кинематографии и стал его поклонником и ценителем.

Дед, будучи старше бабушки на восемь лет, спустя четыре года после моего рождения, вышел на заслуженный отдых и поэтому всё свободное время, пока я был у них, проводил вместе со мной. Он был высоким, широкоплечим, немногословным и, несмотря на казавшееся многим суровое лицо, очень добродушным. Вместе мы могли гулять целый день, перекусывая чем-нибудь на улице, и иногда посещать пив-

ную, где он брал себе кружку пенного золотистого напитка, а мне стакан газированного лимонада. Когда же я начинал падать с ног от усталости, дед брал меня на руки и нёс до дома, а я безмятежно засыпал на его плече.

В последний наш приезд дед похудел и мучился болями в желудке. Изначально врачи ставили ему язву, но оказавшись на операционном столе, выяснилось, что это онкологическое заболевание. Несмотря на все его усилия и огромное желание жить, такого могучего и сильного человека костлявые руки прибрали к себе, о чём и сообщили нам срочной телеграммой.

Печальное известие сразу перевернуло с ног на голову привычный уклад, и в доме начали править суета и беспокойство. Мама с отцом решили, что на похороны поедут вдвоём. Меня же было решено на это время оставить у кого-нибудь.

На следующей день с тревогой на душе я отправился в школу, а родителям предстояло договориться на работе о срочном отъезде и попытаться достать билеты, чтобы своевременно успеть добраться. Ближе к вечеру, когда они вернулись домой, мама сказала:

– Пока нас не будет, ты поживешь у бабушки с дедушкой, это ненадолго.

– Нет, я не хочу, – с грустью ответил я.

– Ты ведь уже жил у них!

– В том то и дело! Больше не хочу, – пытаюсь найти дополнительные аргументы в защиту своего решения, я произнес

– И у них скучно!

– Хорошо, а у тётки тогда останешься?

– Не знаю... Ладно, – подумав, что с двоюродной сестрой будет веселее, согласился я.

Быстро собравшись, я с родителями отправился до тётки, которая с семьёй жила через две автобусных остановки от нас. Она временно была безработной и сидела дома из-за сокращения на работе, хотя «временно» продлится несколько лет. Мама сразу сообщила о своём горе и попросила, чтобы я пожил у них, пока они с отцом будут в отъезде. Тётка с мужем согласились, а сестра обрадовалась, что после уроков теперь можно будет вместе гулять. Она должна была забрать меня утром, потому как родителям к полудню необходимо было быть на вокзале и отправляться с пересадками на поезде.

Возвращаясь домой, мама рассказала, что созвонилась ещё со своей подругой – тётей Ирой, с которой дружила со времен общежитской юности. Тётя Ира с мужем и двумя детьми проживала в другом районе города. На выходных мы часто приезжали к ним в однокомнатную квартиру и по долгу проводили там время, а иногда, не успевая на последний автобусный рейс, оставались у них с ночёвкой. В их небольшой квартире на первом этаже всегда по-домашнему было уютно, и всем хватало места.

– Если получится, то тебя может взять к себе тётя Ира, – сообщила мама. – Она не обещала, но постарается приехать

завтра, не знаю во сколько.

– Хорошо! – обрадовавшись ответил я.

– Можешь пожить у них, только школу придётся пропускать. Ездить очень далеко и долго!

– Ладно, я возьму учебники и буду сам заниматься!

– Может она договорится, чтобы ты походил в школу возле их дома? Посидишь на уроках, просто слушаешь новые темы, чтобы не отстать по учебной программе.

– Нет, не хочу! Я сам! Я не отстану! – возмутился я, потому как идти в новый класс, пусть даже временно, у меня не было никого желания.

– Ладно, хорошо, – успокоила меня мама. – Не хочешь, не пойдешь.

– Мам, а как же кошка? Я её с собой возьму?

– Нет, что ты! Соседка присмотрит за ней. Не переживай, с ней будет всё в порядке, голодной не останется.

На следующее утро в доме воцарилась суматоха. Родители собирали необходимые вещи в дорогу. Около восьми часов в прихожей стояла тётя Ира, приехавшая за мной с дядей Сашей. Закончив завтрак, я собрал рюкзак со всеми школьными учебниками и тетрадями.

– Ну что, поживёшь тогда у тёти Иры и дяди Саши? – сказала мама, подойдя ко мне. – Твоя тётя что-то пока не пришла.

– Хорошо, – ожидая расставание, с грустью ответил я. Позднее узнаю, что тётка всё-таки придёт за мной, но перед

самым уходом родителей. – Я буду скучать по тебе!

– И я буду скучать по тебе! – с нежной грустью сказала мама. Приоткрыв собранную для меня сумку, задумчиво произнесла. – Вроде, что нужно, всё положила.

– Мам, а как же школа?

– Сейчас заедем. Я поговорю с учителем и объясню, что пока ты будешь учиться самостоятельно. – сказала тётя Ира и, взглянув на маму, произнесла. – Не беспокойся! Я обо всём договорюсь!

Поцеловав маму, отца и свою кошку, я уехал из дома с подругой мамы.

У них с дядей Сашей была дочь Ксения – моя ровесница и четырёхлетний сын Илья. Первую половину дня я проводил в одиночестве за самостоятельным изучением новых тем по учебникам и выполнению соответствующих заданий в отдельной тетради. По договоренности с учительницей, эту тетрадь я должен был предоставить потом ей в качестве подтверждения своего домашнего обучения. После двенадцати из школы приходила Ксюха. По-быстрому мы вместе пообедали, и она садилась за уроки, а я с нетерпением ждал её. А вечером, забрав Илью из детского сада, втроём мы устремлялись на большую ледяную горку, сооружённую напротив дома. Иногда вместе с тётей Ирой и дядей Сашей мы смотрели на видеокассетах какой-нибудь семейный фильм или играли за кухонным столом в настольные игры.

В воскресенье, на пятый день моего проживания у друзей,

в их дверь позвонили.

– Здравствуйте! Проходите! – произнесла тётя Ира, открыв дверь.

– Здравствуйте! – ответил знакомый мне голос.

Выглянув из комнаты, в прихожей я увидел бабушку вместе с моей сестрой, которые впервые приехали сюда. Я сразу подбежал и обнял бабушку, а она радостно засмеялась и крепко обняла меня в ответ. Тётя Ира предложила раздеться и пригласила их в кухню выпить чаю. Спустя время бабушка начала расспрашивать меня, как я живу здесь и чем занимаюсь. Увлечённо рассказывая, я не заметил, как тётя Ира, забрав детей, вышла из кухни и оставила нас наедине.

– Поедем сейчас с нами? – вдруг спросила бабушка, глядя на меня. – Поживешь у нас!

– Да, поехали! – начала вторить бабушке сестра.

– Да нет. Наверно, не поеду, – неуверенно ответил я.

– Ну хочешь, поживи у тётки и сестры? – продолжала бабушка.

– Да, если хочешь давай у нас! – добавляла сестра. – Будем гулять вместе!

– Нет, я тут останусь, – смущаясь произнес я. – Мама с папой, наверно, скоро уже вернутся.

– Я созванивалась с мамой. Они вернутся через дней шесть, как получится купить билеты обратно! – продолжила бабушка. – Мне мама по телефону сказала, чтобы я забрала тебя, и ты жил у нас.

Несмотря на продолжительные уговоры со стороны бабушки и сестры, по волевому решению я остался жить у тёти Иры, ответив: «Я никуда не поеду!».

Бабушкины глаза заблестели, и поспешно собравшись, они ушли. Я остался сидеть на кухне на пару с наивным недопониманием, мысленно вопрошая: «Почему я должен ехать с ними и жить у них, а не здесь?».

– Бабушка тебя с собой что ли звала? – спросила тётя Ира, войдя в кухню.

– Да. Хотела, чтобы я поехал жить к ним, – растеряно ответил я. – Сказала, что мама по телефону просила забрать меня.

– А ты отказался?

– Да, сказал, что не поеду.

– Ну и правильно! – одобрительно произнесла тётя Ира. – Я тебя у мамы взяла, я тебя ей и отдам! Не знаю, конечно, но когда мама звонила мне на работу, она ничего подобного не говорила!

Пробыв в гостях у тёти Иры и дяди Саши ещё шесть дней, на седьмой день за мной приехала мама. При встрече я бросился к ней и повис на шее, не желая разжимать руки после долгой разлуки. Вкусно всех накормив, тётя Ира отправила нас, детей, играть в комнату, а взрослые остались в кухне для разговоров по душам. Полагаю, что поводов для этого было достаточно. Вечером, когда стрелки часов приблизились к девяти, я собрал свои вещи и, поблагодарив за гостеприим-

ство, поспешил с мамой на остановку, чтобы успеть на последний автобусный рейс. Я сидел рядом с мамой в полупустом автобусе, обхватив её руку. Наконец-то я мог крепко прижаться к ней и никуда не отпускать.

– Я по тебе так соскучилась, – тихо с улыбкой произнесла мама.

– Я тоже! Я очень ждал тебя! – ответил я, переполняемый радостью.

– Как ты жил у тёти Иры? Всё хорошо было?

– Да, хорошо! Мы с Ксюхой каждый день катались с горки, и все вместе смотрели фильмы. Я занимался по учебникам и делал сам задания!

– Ты у меня большой молодец! – поцеловав, похвалила мама, а потом спросила. – Бабушка приезжала к тебе?

– Да, приезжала. Хотела, чтобы я поехал к ним жить. Она сказала, что это ты попросила её забрать меня!

– Нет, ни о чём подобном я её не просила. При телефонном разговоре бабушка просто сказала, что хочет навестить тебя и попросила дать адрес тёти Иры.

– Ну она мне так сказала! – с негодованием ответил я. – Она ещё и не одна приехала, а вместе с сестрой!

– А почему не поехал-то с ними?

– Не захотел!

– Бабушка, наверно, расстроилась?

– Не знаю. Наверно, да.

– Ты хоть потом при встрече извинись, что не поехал с

ней.

– За что? Их же ни о чём не просили? – возмущенно спросил я. – Не буду я извиняться!

– Ладно, всё. Не возмущайся! – спокойно ответила мама. Доехав до конечной остановки, мы вышли и не спеша зашагали в сторону дома. Я с учебниками в рюкзаке за плечами, а мама с сумкой моих вещей в руках.

Где-то через неделю родители решили зайти в гости к бабушке и деду, куда я пошёл с волнением и непонятным чувством стыда, будто меня застукали за пакостным делом. Поднявшись на пятый этаж и позвонив в дверь, я встал за родителей и из-за их спин увидел, как дверь открыла бабушка.

– О, здравствуйте! Проходите! – произнесла она.

Переступив последним через порог, я закрыл за собой дверь и поднял глаза. Бабушкин ястребиный взор скользнул по мне сверху вниз.

– Ну что? Пришёл? – сухо спросила она.

– Пришёл, – тихо ответил я.

– Ну раздевайся, раз пришёл! – смягчив тон в голосе, произнесла бабушка. – Сейчас будем чай пить с пирогом.

В кухне за столом мы сидели и беседовали за чаем. Молчав поначалу, после второго куска пирога я начал рассказывать, как самостоятельно освоил больше, чем за это же время изучили в школе одноклассники и, что даже удостоился похвалы за усердие от учительницы. Моё волнение стихало, стыд рассеивался, и всё начинало снова идти своим привыч-

ным чередом.

ГЛАВА 4. РАЗВЛЕЧЕНИЕ

Мои взаимоотношения с отцом можно коротко охарактеризовать как непростые. В отличие от мамы, мы с ним никогда не были особо близки, и чем старше я становился, тем больше не понимал и задавался вопросом: «Любит ли он вообще меня?». Хотя мама периодически говорила: «Папа любит тебя. По-своему, но любит!» – и рассказывала, что, когда я родился, отец всегда помогал со мной, стирал, гладил и убирал, но моего ощущения её слова никогда не меняли.

Сколько себя помню, отец никогда ничего не покупал и не дарил мне по какому-либо поводу или без. Я знал, все подарки всегда выбирала и покупала мне мама, говоря, что это от них с папой. Проводить своё время или же заниматься чем-нибудь со мной, отец тоже не особо стремился. По возможности, внимание и время уделяла мне только мама.

Учась в четвертом классе, после уроков мы возвращались домой, как правило вчетвером, так как жили в одной стороне. В этот день я получил две пятёрки и шагал в приподнятом настроении, разгребая своими ботинками свежий пушистый снег, который падал всю ночь и продолжал падать днём, засыпая дорогу к дому.

Одним из моих попутчиков был Пашка по прозвищу «Пумба». Выглядел он достаточно коренастым хлопчиком с дугообразными ногами и, видимо, с хорошим аппетитом.

В сравнении с ним мы больше походили на разноростных доходяг. Иногда у нашего дюжего товарища возникала одна поведенческая реакция, которая проявлялась в желании неожиданно и быстро затолкать, а затем опрокинуть одного из нас в сугроб, придавив сверху своим далеко не хрупким телом. Не знаю, пытался ли он так снять стресс, накопившийся за время учебы, отрабатывал ли навыки захватов и бросков или просто развлекался, ощущая своё физическое превосходство, но за время совместных походов мы привыкли к его подобным выходкам, и каждый из нас ожидал, что может стать мишенью в очередной раз.

Этот день не стал исключением. Двигаясь стайкой, мы о чём-то болтали, как вдруг Пашка, дождавшись одному ему понятного момента, резко схватил за плечи нашего приятеля и со словами: «А ну, поплавай!» – зашвырнул его с дороги в сугроб. Будто мысленно условившись, вдвоем мы кинулись на толкача и заволокли его в противоположный сугроб. А после вдавили поглубже, навалившись всем, чем могли, и незамедлительно вскочив, вдобавок припорошили его снегом. В состоянии аффекта с горящими глазами и пунцовым лицом Пашка выкарабкался из снежной кучи и бросился за нами. Довольные, что нашими руками свершилось возмездие, веселясь и хохоча, мы предприняли попытку к бегству, которая благополучно провалилась, и очень скоро мы валялись разбросанными по разные стороны от дороги.

Спокойное и мирное возвращение домой занимало при-

вычные пятнадцать—двадцать минут, но в день нашего противостояния дорога растянулась на полтора часа. За это время нами были исхожены и изборожжены все попутные сугробы, на которых отпечатывались различные части наших тел. Набрав полные карманы и ботинки снега, и волей-неволей вкусив его на всём протяжении пути, я наконец-то добрался домой. Родители были на работе. Дома меня встретила кошка, которая, как мне показалось, не сразу признала в заснеженной и мокрой личности меня. Развесив одежду на батарее, я накормил кошку и себя и принялся делать уроки.

Вечером с работы пришел отец, а спустя час пришла мама, как обычно, с сумкой продуктов. С радостью встретив её, я сообщил с порога, что получил в школе две пятёрки. А после взял тяжёлую сумку из рук и поспешил в кухню, чтобы незамедлительно разобрать и посмотреть, что она купила.

– А почему одежда на батарее? – поинтересовалась мама, увидев в комнате развешанные вещи.

– Мокрая просто, – ответил я.

– Почему?

– После уроков немного погуляли, – оправдываясь, произнес я.

– Лазил, наверно, опять где-то? – строго посмотрев на меня, произнес отец.

Не ответив, я взял на руки кошку, которая терлась о мои ноги и громко мяукала, изображая из себя очень ласковую и голодную.

– Ты уроки сделал? – поинтересовалась мама.

– Да, сделал, – ответил я, насыпая кошачий корм в миску.

– Сейчас будем ужинать!

После ужина мама попросила меня убрать со стола и помыть посуду, а сама принялась что-то готовить. Отец ушел в комнату и, как обычно, прилег на диван перед телевизором, чтобы лицезреть очередную серию очередного отечественного сериала об успешной работе правоохранительных органов. А я, закончив мыть посуду, собрал рюкзак на завтра и думал: «Чем бы заняться в оставшееся время?» – до того, как лечь спать.

Приблизившись к кошке, которая сытой спала, свернувшись на стуле, я попытался растормошить и заполучить её внимание шуршащей обёрткой от конфеты. Но приоткрыв свои жёлтые глаза, кошка наградила меня сонным и надменным взглядом, дав понять, что сейчас ей нет никакого дела ни до меня, ни до моей обертки. Мой взгляд остановился на коробках с настольными играми, которые лежали аккуратно сложенными на полке, но к ним ещё требовался минимум один игрок. Ничего не оставалось, как попытаться оторвать отца от его увлекательного занятия, чтобы он составил мне компанию или придумал другое развлечение. «Если подойти непосредственно с просьбой, то наверняка, как бывало не раз, получу отказ в форме «Нет!» или «Отстань!» – подумал я, поэтому решил предпринять попытку привлечь внимание иначе.

Отец лежал на диване в полумрачной комнате, освещаемой настольной лампой и работающим экраном телевизора. Осторожно на четвереньках я подкрался к дивану и начал молниеносно выскакивать, хватая отца за ноги, а после также стремительно прятаться за диван. Наша кошка в перерывах между едой и сном частенько любила развлекаться подобным способом с лежащими на диване чьими-нибудь ногами, оставляя когтями царапины и затыжки. Несколько таких попыток не сподвигли отца к встречному действию, но не собираясь отступать от намеченной цели, я выскочил ещё раз.

В момент очередного появления из своего укрытия, я заметил отцовскую руку, поднятую кверху. Затем она резко качнулась, и в мою голову стремительно что-то влетело. Неизвестным предметом оказалась одна из двух небольших подушек, которые всегда лежали на диване. Она вцепилась в голову с непреодолимой силой, что, потеряв равновесие, я отлетел от дивана и ударился лицом об угол письменного стола, который находился поблизости. Злополучный угол прямоком угодил мне под левый глаз. Я свалился на пол и первое мгновение ничего не видел. Кругом была темнота. Почувствовав острую боль в лице, я узрел тёмно-красные пятна, сменяемые бело-лунными кольцами и искристыми бликами.

От боли я зарыдал во весь голос и бросился в кухню, где испуганно обернувшись, мама уставилась на меня.

– Что случилось? – в замешательстве спросила она.

– Он кинул в меня! Подушкой! Я стукнулся об угол, – отрывисто говорил я, всхлипывая и закрывая левый глаз рукой.

– Дай, посмотрю! – сказала мама, убирая мою руку от лица.

Её лицо исказилось и на нём проявилась маска негодования. Она подвела меня к кухонной мойке и сказала промыть глаз холодной водой. Отколов несколько кусочков льда в морозилке холодильника, мама сложила их в вафельное полотенце и произнесла: «Приложи под глаз и держи!». Казалось, что моя голова пульсировала и разогревалась. Я сел на табурет с полотенцем, которое начало пропитываться холодной влагой и остужать поддегивающийся от боли глаз. Из комнаты, где лежал отец, стал доноситься мамин голос, тон которого был значительно выше среднего, а отдельные её слова звенели в воздухе. Отец же преимущественно молчал или тихо что-то неразборчиво бормотал.

Успокоившись и остудив раскаленную голову, осторожно я подошёл к зеркалу. На лице под глазом бесчинно прорисовывался тёмно-бордового цвета кровоподтёк, который явно стремился стать больше и сменить свой цвет на сливовоподобный.

Я лёг спать.

Рано утром меня разбудил отец. В комнате ещё было темно и лишь свет из дверного проема освещал его силуэт.

– Извини меня, – наклонившись ко мне, тихо произнес он.

– Ладно, – спросонья ответил я.

Отец молча ушёл на работу раньше обычного, захлопнув за собой входную дверь. Я слышал, как мама готовила мне завтрак и собиралась на работу. Встав с постели, я подошёл к зеркалу, где в отражении на лице семафорил большой, казавшийся мне огромным, синяк.

– Доброе утро, – сказал я, войдя в кухню.

– Доброе утро, дорогой! – улыбнувшись, ответила мама.

Всматриваясь в моё лицо, её лицо начинало выражать сожаление и растерянность.

– В школу-то как идти? – спросила мама, пытаюсь самой же найти ответ.

– Не знаю. Пойду так, – ответил я, понимая, что такое вряд ли получится замаскировать или спрятать.

После завтрака, подойдя к окну, я увидел, что на улице по-прежнему медленно падал снег, который уже засыпал наши следы, оставленные вчера после школы. «Как бы мне тоже хотелось стереть этот уродливый синяк с лица», – стоял и думал я.

На улице первым меня увидел один из вчерашних попутчиков, который утром обычно ждал меня на углу дома, чтобы вместе идти в школу.

– Привет! Что это у тебя на лице? – удивленно спросил он.

– Привет! Синяк, – улыбнувшись ответил я.

– Пумба что ли вчера втащил? Когда успел-то?

– Да нет. Дома споткнулся и ударился об стол, – растеряно ответил я.

Сказать правду я не мог, было стыдно. Врать, конечно, тоже было стыдно, но из двух зол выбирают меньшее. Пока мы шагали в школу, казалось, что все прохожие смотрели в мою сторону и пристально разглядывали меня. По крайней мере, всю дорогу я ловил их любопытные взгляды на себе.

Зайдя в класс, естественно, я не смог избежать расспросов одноклассников о столь заметном изменении на своём лице, на которое своё внимание сразу обратила и учительница, спросив: «Что с твоим лицом?». В угоду всем интересовавшимся я рассказывал вымышленную историю, как по неосторожности споткнулся и ударился дома об стол лицом. Чем чаще я озвучивал её, тем слабее становился испытываемый стыд, и я всё более убеждался в правдивости своей версии произошедшего.

ГЛАВА 5. ОТРЕЧЕНИЕ

Наступил 2000 год. Год, который все то ли с нетерпением ждали, то ли боялись, задаваясь вопросом «Что же будет после?». Все и повсюду трезвонили, что с наступлением года начнется Судный день или Апокалипсис на Земле, и даже мы, будучи учениками средней школы, насмотревшись и наслушавшись особо прозорливых, предавались философским рассуждениям и поиску ответов на волновавший всех вопрос.

Но время показало, что ничего особенного в глобальном масштабе не произошло, как, впрочем, и в локальном. Я продолжал обучение в восьмом классе всё той же школы и жил с родителями и кошкой в том же малосемейном общежитии. Единственным, и отнюдь не приятным изменением в нашей жизни стал тот факт, что отец всё чаще стал прикладываться к бутылке. Трудно судить, что служило поводом для этого. Может неудовлетворенность жизнью или отсутствие стремлений и интересов, а может простое желание забыться и ничем не загружать себя.

Поначалу мама постоянно уговаривала и просила его остановиться. Предлагала обратиться к наркологу или другим специалистам, чтобы избавиться от разрушительной зависимости, но к сожалению, всегда слышала один и тот же ответ: «Нет! Тебе надо, вот и лечись сама! Я не алкоголик!».

Когда разговоры по-хорошему закончились, так и не возымев должного эффекта, и отец не внял маминым просьбам, в доме всё чаще стала звучать ругань, и происходить скандалы на этой почве, которые однако, тоже не приводили к желаемому результату.

Однажды, благодаря своей пагубной привычке, в возрасте сорока лет отец заработал инсульт, когда в четыре часа утра мама услышала его мычание, лежащим на диване. Незамедлительно вызвав карету скорой помощи, отца увезли в больницу, куда мы потом ездили больше месяца. Благо, может в силу возраста, он восстановился и смог продолжать работать. Казалось бы, куда ещё серьёзнее может быть мотив, чтобы остановиться и изменить своё отношение к жизни. Но, увы! Отца хватило на немногим больше полугода, а потом всё вернулось в привычную колею.

Мама решила поговорить с его родителями и сестрой, чтобы они может как-то повлияли или попытались вразумить отца, но и тут всё оказалось тщетным. На мамину просьбу дед только тяжело вздохнул, добавив: «Он просто дурью мается!», а бабушка ответила: «Когда жил с нами, он не пил!» – видимо, намекая, что в пристрастии отца виновата сама мама. Тётка же мучилась со своим мужем, который, как и отец, также грешил алкогольным питием, поэтому до проблемного брата, особого дела ей не было.

Мы практически перестали ходить в гости втроём, появляясь теперь везде только с мамой. Я постоянно испытывал

стеснение и страх из-за состояния отца, боясь, чтобы никто, в первую очередь друзья и одноклассники, не увидели его в неприглядном виде, дабы потом не обсуждали и не считали нас неблагополучной семьёй.

Вечерами, в виду отсутствия домашнего телефона, иногда ко мне заходили одноклассники, живущие по соседству, чтобы справиться о школьных заданиях на дом. Если получалось, что отец был дома пьяным и спал на диване, открывая входную дверь, я начинал мысленно просить того, кто мог бы услышать меня, чтобы он не показался из комнаты. Конечно, меня слышали не всегда, и тогда комнатная дверь отворялась, за которой стоящим в одних трусах появлялся отец. В такие, казавшиеся бесконечными мгновения я чувствовал, как к голове прилиwała кровь, и пульс бил в виски. Начиная извиняться и находить объяснения увиденного, я искренне желал куда-нибудь провалиться или исчезнуть. Себя я успокаивал мыслью, что у моих друзей и одноклассников отцы наверняка тоже бывают во хмелю, но сколько бы я не заходил к ним, возможность стать свидетелем схожей ситуации мне никогда не представлялась.

В мае, когда снег уже полностью сошёл, а солнце хорошо пригревает, устав от зимы и низкого хмурого неба, хочется больше времени проводить на улице. После уроков я спешил быстро сделать домашние задания и пойти гулять с друзьями во дворе или недалеко от дома. На улице мы всегда находили себе развлечения, в числе которых могла быть плавка свинца

из пластин старого аккумулятора в консервной банке на ко-
остре, прицельная стрельба камнями по стеклянным банкам
и бутылкам, расплющивание монет на рельсах железной до-
роги, ветка которой пролежала неподалеку от моего дома, и
прочие забавы.

В один из майских дней я с Ромкой вышел во двор попи-
нать мяч. Ромка был моим другом, с которым мы жили на
одном этаже и познакомились ещё до школы, когда только
переехали в общежитие из служебного деревянного дома с
удобствами на улице. Некоторое время спустя к нам присо-
единился мой одноклассник Лёха. Жил он далеко от наше-
го дома, но иногда после школы приходил на работу к своей
матери, которая была комендантом общежития, и пока ожи-
дал окончания её рабочего дня, мог коротать время в нашем
дворе.

Мы начали ударять мячом о стену дома, пиная его по оче-
реди. На звук гулких ударов к нам присоединились ещё двое.
Изрядно устав и вспотев от игры, мы решили купить себе
бутылку лимонада в ближайшем ларьке. Каждый из нас, на-
шарив в кармах сколько было мелочи, выложил её на зем-
лю. Отсчитав нужную сумму, Ромка с дворовыми ребята-
ми ушли за вожделенной бутылкой лимонада, а мы с Лёхой
остались их ждать.

Спустя несколько минут, с противоположной стороны до-
ма, я вдруг узнал в медленно шагающей и шатающейся фигу-
ре своего отца, который возвращался с работы опять нетрез-

ВЫМ.

– Может пойдём к ним на встречу, – предложил я Лёхе, испугавшись, чтобы отец не заметил и не подошёл ко мне. – Чё то они долго ходят?

– Да сейчас придут! Вдруг разминёмся с ними, – ответил Лёха, всматриваясь вдаль через моё плечо. – Там кажется твой папа идёт.

– Где? – осторожно ответил я, чувствуя, как сердце стало чаще колотиться, а красное от игры лицо гореть от волнения. Я обернулся. – Нет, не он.

– Это не твой папа? – спросил Лёха с таким выражением лица, будто каждый день своей жизни воочию наблюдал моего отца. – А кто?

– Дядя, – ответил я с ощущением какого-то предательства и охватывающего ужаса.

– Дядя? – переспросил Лёха, в глазах которого читалось замешательство.

– Да, мой дядя, – будто парализованным языком тихо произнес я.

Лёха больше ничего не сказал, а я смотрел на отца, который опустив голову, шатаясь, проследовал через двор к подъезду, не смотря по сторонам. Что до отца Лёхи, то я его вообще никогда не видел и ничего не знал про его существование.

Снова стыд, который переполнял меня. Стыд за себя и своё враньё, стыд за отца и стыд перед отцом, от существо-

вания которого я только что открестился.

Когда Ромка с остальными принесли лимонад, желания пить у меня не было. Хотелось скорее уйти и спрятаться ото всех. Под выдуманым и неожиданно всплывшим в памяти предлогом, я попрощался и поспешно ушёл домой.

В душной комнате на диване спал отец, а в воздухе стоял стойкий запах перегара. Кошка лежала на спинке дивана с широко раскрытыми глазами и вглядывалась в меня. Умыв лицо и выпив стакан прохладной воды, я сел на стул в углу соседней комнаты, переполняемый мучительными внутренними ощущениями и эмоциями из-за слов, сказанных вслух о родном отце. Так я просидел, пока не услышал стук в дверь, за которой увидел маму, вернувшуюся с работы.

ГЛАВА 6. ИСПЫТАНИЕ

Желание познать и испытать на себе силу алкоголя возникает, наверно, почти у каждого человека в юношеском возрасте. К сожалению, некоторые стремятся к этому, будучи ещё подростками, но хотелось бы верить, что такое случается значительно реже. Спиртной напиток способен изменить и даже преобразить личность выпивающего, и, как правило, не в лучшую сторону. Конечно, многое зависит от крепости продукта и меры употребления, но, если не брать во внимание эти величины, я подмечал, что одинаковая порция алкоголя может воздействовать на каждого по-разному. Кто-то превращается в заведённого балагура со словесным недержанием, кто-то, пребывая в трансцендентной эйфории, замолкает с блаженной улыбкой на лице, а некоторые наполняются агрессией и ищут повод для выяснения отношений или обвинения всех и вся в своих неудачах. К числу последних относился мой отец, и чем чаще он употреблял спиртное, тем сильнее проявлялось подобное поведение, которое уже начинало пугать.

Однажды с похмелья, отец обвинил маму и меня, что мы вытащили у него зарплату и отпускные, которые он получил накануне. На все уверения, что мы не брали и в глаза не видели его денег, слышали от отца лишь оскорбления, которые затем превращались в ответные. Нас с мамой бросало в хо-

лодный пот от мысли, если все полученные деньги он просто потерял по пьяне, возвращаясь домой. Через два дня отец нашёл свои деньги за стиральной машиной, куда, очевидно, сам во хмелю их запрятал. Но найденная пропажа не добавила нам радости, потому как по домыслам отца, именно мы нагло вытащили и втихаря спрятали от него деньги, а он сумел вывести нас на чистую воду.

Сказать по правде, деньги у нас были в дефиците. Помимо текущих трат, дополнительно нам требовалось немалая сумма для выкупа занимаемых двух комнат малосемейки. В полученном уведомлении от собственника здания нам поспешно сообщили, что жилые помещения перестают находиться в служебном ведении. Нам предлагалось при желании выкупить занимаемую площадь, либо освободить её. Съезжать было некуда, а купить за предложенную цену для нас не представлялось возможным.

Несмотря на периодические запойные состояния, с работы отца не уволяли, хотя и перевели со стропальщика в грузчики, трудовые обязанности которого, видимо, позволяли появление в нетрезвом виде.

Мои и без того непростые взаимоотношения с отцом начали осложняться периодическими стычками. Увесистые и звонкие подзатыльники в воспитательных целях я получал от него и раньше. А теперь, со словами «Сопляк» и «Заткнись», мне регулярно перепало за свой язык, которым я критиковал, посылал и говорил всё, что думал. Со своей

стороны, я никогда не позволял себе замахнуться на отца в ответ, но, если его руки начинали цеплять или кружить возле мамы, тогда ему прилетало уже от меня, и в конечном счёте мы могли начать обмен рукопашными любезностями. В такие моменты я видел, что отцовский взгляд делался остекленелым, будто неживым, а выражаемая агрессия усиливалась и становилась неконтролируемой. Мне казалось, что если даже выстрелить в него, раз или два, то пули его не остановят, пока он не опомнится или не придет в себя по какой-то причине. Одной из таких причин становился мамин крик или громкий плач, которая, оттаскивая меня, умоляла нас остановиться.

Может напрашиваться закономерный вопрос «почему мама не разводилась с отцом или не уходила от него?». Ответить за маму не стану, но попробую сделать своё предположение. Первой причиной был квартирный вопрос. Уходить нам было некуда и не к кому. Мамины родственники и знакомые, которые находились в нашем городе, проживали на ограниченных квадратных метрах и не располагали лишней жилплощадью. Кроме того, занимаемые нами комнаты в малосемейке, были предоставлены с работы маме, а не отцу. Второй причиной было нежелание отца разводиться. Мама предлагала ему неоднократно подать на развод, но, по обоюдному согласию, расстаться бы не получилось, а через суд, думаю, у мамы не было желания возиться.

За окном был май 2003 года. Совершеннолетним, отсидев

одиннадцать лет от звонка до звонка, я оканчивал школу. Видимо, за достаточно успешное обучение и почти незапятнанную репутацию меня вместе с отличницей из параллельного класса удостоили честью дать последний звонок на торжественной линейке перед выпускниками.

В те времена ещё не ввели единый государственный экзамен, поэтому мне предстояло сдать выпускные экзамены в школе, а затем, подав заявление, пройти вступительные испытания в вузе. Учитывая, что в нашей семье не было финансового излишка, я мог рассчитывать только на свои знания и бюджетное место в одном из вузов своего города. Мой выбор для дальнейшего обучения пал на профессию инженера-эколога в Лесном институте, куда последний школьный год я ходил на курсы по химии, знание которой надлежало продемонстрировать при поступлении.

В конце июня, успешно сдав обязательные и дополнительные выпускные экзамены, я сидел в актовом зале родной школы и ждал получения аттестата вместе с остальными выпускниками и их родителями. К моей радости на вручение вместе с мамой, чисто выбритым и одетым в костюм, пришёл отец. Получая документ из рук директора школы, я видел в зале своих родителей, сидящих вместе и аплодирующих мне. В этот счастливый день у меня в очередной раз промелькнула надежда, что в нашей семье может быть всё ещё наладится.

Я подал необходимые документы в приёмную комиссию

выбранного института. Изучив расписание вступительных экзаменов в других вузах, я решил подстраховаться и подал документы в университет на специальность, связанную с налогообложением. Мой дополнительной выбор был обусловлен исключительно экзаменационным расписанием, которое не должно было пересекаться с основным расписанием в институте.

С началом жаркого июля я усиленно начал готовиться и настраиваться на предстоящий марафон вступительных испытаний. Глядя на маму, иногда казалось, что она нервничала и переживала больше меня и старалась создать мне все условия для спокойной подготовки. Она всегда говорила о том, как важно учиться и получать знания, чтобы стать достойным и компетентным человеком. Сама она за плечами имела среднее специальное образование, отец же остановился на десяти классах школы. Однако по его рассказам, он собирался поступать в ветеринарную академию, но родители посчитали, что работа на механическом заводе будет куда полезнее, несмотря, что сами получили высшее образование. Дед, закончив литературный, а бабушка – педагогический институты.

Я стартовал с экзамена по химии в институте, за который получил «хорошо», в то время, как на протяжении последних десяти дней отец приходил домой в изрядном подпитии. Утром пятницы он ушел на работу, а вечером не вернулся. Мы с мамой предположили, что после работы на выходные

он уехал на нашу дачу, представляющую собой сарай и недостроенную баню, чтобы культурно отдохнуть после трудовой недели. Но в воскресенье вечером отец дома так и не появился.

– Завтра утром с работы позвоню в милицию и обзвоню больницы, узнаю может поступал к ним, – нервничая и переживая, произнесла мама, пытаясь составить алгоритм необходимых действий. – Позвоню ещё на его работу, узнаю, были в пятницу... У тебя ведь завтра экзамен?

– Да. Математика в универе, – растерянно ответил я.

– Во сколько?

– В час дня.

– Закончишь в районе 17 часов?

– Где-то так.

– Ладно, ты готовься, завтра сама разберусь. Главное – сдать экзамен! Я тебя вечером встречу.

В понедельник утром мама убежала на работу, а я остался дома повторять необходимый материал.

В районе одиннадцати часов, услышав ковыряние ключом в замке входной двери, я понял, что пришёл отец. Спустя время дверь открылась, и в прихожую ввалился отец, видимо, не просыхавший все выходные. Сидя в комнате за письменным столом спиной к двери, я уткнулся в задачник по математике и решил, что не стоит вступать с ним в разговор.

– Сидишь? – раздался обозлённый отцовский голос. – Чё, маме больше делать нечего? Какого х.. она звонит мне на ра-

боту? Ещё и спрашивает, был ли я на работе... Меня сейчас домой выгнали, мол, меня потеряли тут! Чё, молчишь? Урод!

Понимая, что все наши переживания были пустыми, я представил, каково было маме звонить на его работу и объяснять произошедшую ситуацию. Сидя неподвижно, в голове стали затираться мысли о математике и меня начало трясти от нарастающего гнева.

– Оглох, что ли? – рявкнул отец, подойдя ко мне.

– Отстань. Я занят, – сквозь зубы ответил я.

– Ах, ты занят. Я спрашиваю, какого х.. надо было звонить на работу?

– Пить надо меньше! И предупреждать о своих планах! – крикнул я, взглянув на отца, стоявшего возле меня со стеклянным взглядом.

– Ты, сукин сын, ещё гавкать на меня будешь, – с остервенением произнес отец, схватив меня за шею сзади.

Почувствовав, как его пальцы начали сжимать шею, я пришёл в ярость и сжал в левой руке шариковую ручку.

– Да пошёл ты! Отвали, мразь! – закричал я и, размахнувшись, несколько раз ударил концом ручки по схватившей меня руке.

Выскочив из-за стола, я увидел искаженное от боли отцовское лицо, а на руке в месте сгиба несколько небольших ран. Ругаясь матом, отец медленно вышел из комнаты. Глубоко дыша с пульсирующими висками и шеей, я медленно

опустился на стул и усталился в математические формулы, лежащие на столе. Я смотрел на иксы и игреки и уже ничего не понимал.

Просидев какое-то время в оцепенении, неожиданно за спиной я услышал металлический скрежет. Обернувшись, я увидел отца, стоящего с намотанным на руку, широким кожаным солдатским ремнём, на конце которого поскрипывала металлическая бляха со звездой.

– Ты чё, больной? – вскочив со стула, вскрикнул я.

– Ты на меня, сука, ещё руку будешь поднимать? Урод чёртов! – с каменным лицом злобно произнес отец и занёс над собой руку с ремнём.

Ремень, рассекая воздух, шлифанул по моему уху и опустился на плечо. Пытаясь опомниться от неожиданности, следом я получил ещё удар, пришедший в область груди. Видя его взгляд и понимая, что отец не остановится, я попытался выхватить ремень, но в итоге лишь расцарапал свои ладони бляхой. Пробежав по дивану, я получил очередной удар ремнём по спине. Моё тело всё горело то ли от боли, то ли от нервного перенапряжения. Я стал кричать, чтобы отец опомнился и успокоился, выставляя вперёд руки. Металлическая бляха ещё несколько раз врезалась в меня, после чего опустилась, звякнув об пол. Отец неподвижно усталился на меня, а я ощутил на груди слева что-то горячее и влажное. Опустив глаза, на футболке проявлялось кровавое пятно.

Сняв футболку, в туалете перед зеркалом я увидел на гру-

ди рваную рану, из которой сочилась кровь и ощущалась жгучая боль. Я открыл кран с холодной водой и стал аккуратно омыwać рану, слыша, как за дверью что-то бормочет отец. Пока я стоял, согнувшись над умывальником, меня душили слёзы от боли и обиды, и полушёпотом, самыми последними словами, я костерил отца.

Отдышавшись, я вышел и увидел, что отец уснул в одежде на диване, а перепуганная кошка сидела под столом, прижимая уши. Чтобы успокоить, я взял её на руки, пройдя мимо дивана и разглядев несколько кровоподтёков на отцовской руке. Я совершенно потерял счёт времени, когда вдруг мой испуганный взгляд остановился на вешалке с отглаженной рубашкой, приготовленной для экзамена. На часах была четверть первого.

При каждом движении левой руки, рана начинала сразу кровоточить. Наспех обработав её, я отыскал в шкафу и облачился в какую-то тёмного цвета рубашку, чтобы проступающий кровяной след был менее заметным и устремился на очередное испытание, скрывая за чёрными солнцезащитными очками опухшие глаза, которые всю дорогу наполнялись слезами от обиды, а в голове роились мысли, абсолютно не имеющие ничего общего с математикой.

После экзамена я вышел из душевой аудитории на крыльцо. Небо было затянуто облаками и начинал накрапывать мелкий тёплый дождь. В сквере перед университетом среди снующих людей, я заметил маму, стоящую под устало повис-

шими ветвями высокой берёзы.

– Привет! Ну как? – сразу спросила она, когда я подошёл к ней.

– Привет. Не очень, – устало ответил я.

– Почему? Сложные задания были?

– Не знаю, может сложные. Решил только два и те, думаю, не верно.

– Что-то произошло? – настороженно спросила мама.

– Да, – произнес я, расстегивая верхние пуговицы рубашки.

– Это что? Откуда? – с ужасом спросила мама, глядя на мою грудь.

– Отец вернулся домой. Не в духе.

Медленно зашагав от университета, я рассказал маме о случившемся, а когда закончил, мама с покрасневшими глазами произнесла: «Прости меня!». Взяв её под руку, я ответил: «Прекрати! В этом нет твоей вины! А он? Пошёл он! У него с головой проблемы, он не соображает, что творит...обидно только, что в такой важный для меня момент...».

На следующий день вечером я узнал, что завалил экзамен, увидев «пару» напротив своей фамилии в списках, вывешенных в окнах университета, двери которого для меня теперь закрылись.

К моему счастью, последующие экзамены по математике и сочинение в институте я сдал успешно и, набрав необходи-

мый проходной балл, измотанным финишировал в числе будущих первокурсников. Я одержал личную важную победу, которую с нескрываемой радостью со мной поделила мама. Что до раны, то она затянулась, но оставленный на груди рубец ещё долго напоминал мне о марафоне испытаний.

ГЛАВА 7. ВОЗДАЯНИЕ

Когда с детства пребываешь в служебном неблагоустроенном доме или общежитии, то позже с каждым годом воистину начинаешь всё сильнее ощущать ценность собственных квадратных метров.

Для нашей семьи после моего зачисления в институт самым болезненным оставался квартирный вопрос. Мама, всю жизнь мечтавшая о своей полноценной квартире, приходила в исступление от перспективы выкупа в рассрочку занимаемых комнат в общежитии. Я же, за свои без малого девятнадцать лет не имевший собственной комнаты, чрезвычайно хотел чем-нибудь помочь. Но на ближайшие пять лет моя помощь в лучшем случае могла исчисляться суммами академической стипендии или потенциальной скромной подработкой.

Неожиданно, в один ничем не примечательный день, наша жилищная ситуация шевельнулась. Придя с работы, мама поделилась со мной надеждой на получение двухкомнатной квартиры, пускай и не в новом доме. В течение последнего года после череды переездов работников предприятия, где она трудилась уже двадцать лет, освобождалась долгожданная жилплощадь, которая в порядке очереди на улучшение жилищных условий, предоставлялась ей. Получение столь воодушевляющего известия, да ещё так своевременно, стало настоящим вознаграждением за все годы ожиданий и

заставило нас с мамой поверить в Высшую справедливость. Что до отца, то очевидно, его всё устраивало и так, поскольку за годы работы он не соизволил даже предпринять попытку встать в очередь, когда ещё была такая возможность, несмотря на постоянные мамины просьбы.

В конце сентября наша надежда зашаталась. Мама узнала, что на долгожданную жилплощадь наложен арест за долги предприятия и квартира может быть изъята в муниципальную собственность. Пока отец убивал время хмельной беспечностью, мама, стиснув зубы, бегала по кругам бюрократического ада и оббивала пороги кабинетов различных ведомств, пытаясь убедить снять арест с уже почти своей двушки. Благодаря своему упорству и огромному желанию наконец-то пожить в полноценной квартире со своей кухней, она добилась и получила заветный ордер, за который впоследствии придется заплатить очень большую цену.

Получив ключи, мы отправились посмотреть выстраданную двухкомнатную квартиру, которая располагалась в противоположном от нас районе города на пятом этаже панельной девятиэтажки. С порога квартиры я очутился в просторной прихожей, из которой направо и прямо двери вели в комнаты: большую с выходом на балкон и поменьше, как сразу представилось, мою. Выйдя на балкон, смотрящий застекленными рамами на восток, мой взгляд остановился, обращенным к умиротворяющему пейзажу. По другую сторону улицы располагались небольшие частные деревянные дома

с садами и огородами, разбавляемые солидными коттеджами. Поодаль гладкой лентой лежала река, за которой до горизонта простиралось зелёное покрывало хвойных лесов, с жёлтыми пятнами осенней листвы. Весь этот простор укрывала долгая облачная шаль голубого неба. Чтобы не спугнуть мгновение, я тихо стоял, охваченный восхищённым оцепенением.

Из комнаты через прихожую я проследовал в ванную, где после многолетнего довольствования душевым поддоном, резервуар для купания казался неприлично большим. И, наконец, кухня – светлое пространство в девять квадратов, смотревшее оконным глазом на тот же бесконечный простор. Мама молча стояла и вытирала слёзы, катившиеся по лицу от выстраданного счастья, а по любопытному отцовскому лицу было понятно, что ему тут очень понравилось, хотя другого ожидать, было бы глупо.

В целом квартира выглядела довольно обжитой, местами со специфическим декором для очень тонких ценителей, но для нас это были сущие пустяки. Первым делом мама решила сразу подключить домашний телефон, чтобы в конце концов общаться с родными и близкими, не выходя из дома. А также, ввиду ограниченного семейного бюджета, сделать хотя бы косметический ремонт в комнате поменьше, которая в качестве личного угла становилась моей.

Теперь по выходным, выбрав на свой в меру изысканный вкус обои и краску, я с родителями проводил время в ре-

монте, привыкая и проявляя в квартире своё присутствие. После учебных пар понемногу я перевозил небольшие вещи, открывая дверь своим ключом. Каждый раз это был настоящий восторг, который может понять и испытать тот, кто очень долго ждал и, почти потеряв надежду, всё равно тихо верил.

Через пару месяцев, декабрьским вечером мама обнаружила в правой груди уплотнение. Забеспокоившись, она обратилась к врачу, который сразу дал направление на консультацию к онкологу. После анализов и обследований ей диагностировали мастопатию и назначили двухмесячное медикаментозное лечение с последующим наблюдением за состоянием.

Близились завершение 2003 года, и мы впервые за многие годы, вопреки устоявшейся семейной традиции, решили встречать новый год не у бабушки с дедом, а в своей квартире втроём. Приехав 31 декабря в компании двух бутылок шампанского и салатника с оливье, мы уселись за стол, сороуженный из подручных вещей, и под бой курантов по радио встретили новый 2004 год, который станет роковым для всех нас.

С телефоном под рукой, сидя на полу, мама сразу набрала межгород, чтобы поговорить с бабушкой, а затем позвонила друзьям и знакомым, искренне поздравляя всех с новым годом. Счастливыми, мы доели оливье, а после под залпы и грохот уличных фейерверков, доносившихся из всех дворов,

направились к бабушке и деду продолжать празднование.

Около половины второго ночи мы позвонили в дверь, за которой сразу раздался громкий собачий лай.

– О, с новым годом! Добрались? Проходите, – с улыбкой произнес уже пьяненький дед, оттаскивая от двери возбужденного пса. – Ну, как встретили?

– С новым годом, батя! Добрались, как под обстрелами. Кругом фейерверки пускают, – сказала мама, поцеловав деда в щеку. – Встретили замечательно, главное в своей квартире!

– С новым годом, дед! – пожимая руку, произнес я.

– Пап, да ты, я смотрю уже хороший, – сказал отец, как мне показалось, завидуя, поскольку ему лично пришлось довольствоваться пока лишь парой бокалов шампанского.

– Проходите в комнату к столу, все там, – пригласил дед.

Войдя в большую комнату, за праздничным столом сидели бабушка, сестра со своим спутником Игорем, с которым ранее мы уже встречались на семейных застольях, и тётя с незнакомым человеком рядом.

– Здравствуйте! С новым годом! Знакомьтесь, Константин, мой друг, – вальяжно сообщила тётка, положила руку на плечо незнакомца.

Ещё летом, однажды я видел свою тётку в компании молодого человека, с которым она садилась в машину, и их общение не очень походило на деловое. А в конце осени мы узнали, что она разводится, оставляя их совместную квартиру себе, а мужа определяет в съёмную общежитскую комна-

ту.

Слегка опешив, все познакомились и уселись за общий стол. Позже станет известно, что Константин моложе тёти на десять лет, а судьба свела их около шести лет назад, когда они были ещё коллегами.

Дружно подняв бокалы, чтобы выпить за начало отсчета 2004 года, я подметил, что у сестры вместо традиционного игристого, налит сок. Ночь новогодних сюрпризов не думала заканчиваться. За столом периодически повисало молчание и ощущалась некая напряженность. Одно из таких коллективных молчаний прервала бабушка.

– Вот молодые сейчас не особо спешат создавать семьи и рожать детей. Все очень заняты собой и хотят пожить для себя. А мне, например, так хочется уже с лялькой понянчиться, увидеть правнука или правнучку. Вот я им говорю: «Взяли бы и родили ляльку!» – произнесла довольным голосом бабушка, показывая рукой на сестру и Игоря. – А они мне и отвечают: «А мы уже!».

– В смысле «уже»? – изумлённо спросила мама.

– Вот и я не поняла сначала, – отозвался бабушкин голос. – А они оказываются ждут ребёнка! Уже два с половиной месяца.

– Да. Вот ждём, – потупив взгляд в стол, произнесла сестра и её лицо стало медленно краснеть.

Опешив ещё раз, мы, конечно, сразу поздравили обоих с этим знаменательным событием. Впрочем, тётку поздравили

тоже, что скоро у неё появиться новое звание «бабушка», которое ей было не совсем кстати рядом с молодым Костей.

– А свадьба? Сначала же жениться надо, – разразился дед недовольным, нетрезвым голосом. – Что как нехристи!

– Перестань! Молодые сами разберутся, – строго отрезала бабушка.

После чего между бабушкой и дедом последовала полемика на коми языке, дословное содержание которой для меня осталось неведомым.

– Сейчас все так живут! Никто не бежит в ЗАГС, – подытожила тётка. – Захотят, узаконят отношения.

За столом в очередной раз воцарилось молчание. Все сидели и с вдумчивым видом тарацились в телевизионную коробку, где транслировалась новогодняя вакханалия.

– А вы же, наверно, ещё не знаете? – вдруг начал дед, прищуривая глаза. – Несколько дней назад мы покрестились в церкви. Смыли с себя все грехи перед новым годом!

«Это уже было чересчур для одного застолья! Надеюсь, что на сегодня семейный блок новостей исчерпан!», – думал я, с трудом собирая в кучу своё лицо от удивления.

– А мы это кто? – спросил я.

– Я с бабулей и твоя тётя с сестрой – вчетвером, все разом! – ответил довольный дед.

– Какая-то возникла потребность в этом? Или почему? – поинтересовался я, не понимая, что их могло побудить к такому решению.

– Просто решили. Собрались и пошли, – произнес дед.

– Да, нет! Мы давно всё хотели, но как-то не получалось, а тут вот собрались, – добавила бабушка.

Мой пытливый ум остался без удовлетворения. Я сидел и размышлял: «Что касается тёти и сестры, то они могли крепиться, что называется «за компанию». Но дед и бабушка? В их почтенном возрасте, когда пройден семидесятилетний рубеж, должно быть что-то более весомое для такого шага. По крайней мере, мне так казалось. Тем более, я никогда не слышал от них упоминая о Боге или церкви, если только они не разговаривали об этом на своём родном языке...».

– Бать, теперь тебе и пить нельзя! – язвительно произнес некрещенный отец. – И жить по-христиански!

– Я и так живу по-христиански, – недовольным голосом ответил дед.

– Ну и хорошо! Раз так решили, значит так надо, – произнесла мама. – Главное, чтобы на пользу.

Мы ещё недолго дружно посидели за столом, а потом стали собираться кто куда. Сестра, теперь уже, видимо, со своим сожителем, поехали к друзьям, тётка с Константином поехали на городскую площадь, а мы с ворохом информации в головах отправлялись домой, в общагу.

– Ну вот, все расходитесь! Нас одних оставляете, – с грустью произнесла бабушка, провожая нас в прихожей.

– Mam, так все выросли. Мы вернемся где-то через час, – произнесла тётя. – Так что ложитесь спать, не ждите. Ключ

я взяла.

Утром 1 января я сел с конспектами лекций готовиться к первой сессии, которая начиналась через два дня с экзамена по высшей математике. В то время, когда все продолжали праздновать и смотреть новые или старые фильмы по телевизору, я вынужденно всматривался в строки математических символов, что было мучительно несправедливым.

Экзаменационная сессия и последовавшие за ней каникулы пролетели, а вместе с ними завершился январь. Мама пошла на приём к врачу после двухмесячного лечения. Придя из больницы, растерянной и подавленной, она рассказала мне, что улучшений нет, и её отправляют на гистологический анализ и дополнительное обследование. Спустя несколько дней ей поставили подозрение на рак.

После начала нового года отец не просыхал, приходя с работы еле стоявшим на ногах. Одним утром, когда он продрал глаза и выпил пару кружек воды, с трудом собираясь на работу, мама сообщила:

– Я обследовалась, у меня подозрение на злокачественную опухоль. Возможно, предстоит длительное лечение, что потом не знаю.

– Чего? – переспросил отец, тараща свои мутные бельма. – Врешь ты всё! Нет у тебя ничего! Ты же здоровая, как лошадь!

– Да пошёл ты, – тихо проговорила мама, и из её глаз брызнули слёзы.

– Урод тупорылый! – крикнул я. – Вали отсюда!

– Закрой свой рот, сопляк! – оскалившись выдавил отец, а после оделся и ушёл.

Я подошёл к маме, стоящей возле окна, и, обняв её, пытался сообразить, как и чем я могу помочь. Но мои мысли окутывались туманом ненависти и безапелляционными обвинениями во всём случившемся отца.

На выходных с мамой мы отправились к бабушке и деду, чтобы поделиться своими невесёлыми новостями. Пройдя в большую комнату, мама с бабушкой сели в большие кресла, а я и дед опустились на диван.

– Мам, у меня скорее всего диагностируют рак, – дрожащим голос произнесла мама, после чего, закрыв руками лицо, заплакала в голос.

Мама всегда называла свою свекровь «мамой» не потому, что ей так хотелось или между ними, были очень тёплые взаимоотношения, а потому что на свадьбе бабушкой сразу было поставлено условие – называть и обращаться к ней «мама». Естественно, мама не пришла в восторг от такого условия. У неё была своя единственная мама, которая к слову, тоже присутствовала на свадьбе, но, перешагнув через себя, стала называть.

– О, Господи! – глубоко выдохнув, произнесла бабушка. Потом уставилась на меня, будто в ожидании моей реакции.

– Ваш сын правда не поверил. Сказал, что вру и, что здоровая как лошадь, – успокоившись, продолжила мама.

– Ой-ой-ой, – залепетал дед, сидящий рядом со мной.

Мама сама вкратце рассказала, что и как произошло, не дожидаясь встречных вопросов или хотя бы вменяемого сочувствия.

– Мам, у меня будет к вам одна просьба. Пусть ваш сын пока поживет у вас, – произнесла она. – Эти бесконечные пьянки и нервотрёпки, мне сейчас не до этого. Надо собраться с мыслями и настроиться на дополнительное обследование, после которого уже определятся с лечением.

– Ну ладно, пусть поживет пока, – с явным отсутствием энтузиазма ответила бабушка.

Попрощавшись, мы с мамой вышли на тёмную заснеженную улицу. Стоял небольшой мороз, а вокруг медленно скользили хлопья снежного пуха.

– Давай пойдем пешком! – предложил я. – Прогуляемся, погода хорошая.

– Давай, – согласилась мама. Молчком пройдя около пяти минут, мама озвучила. – Зря я рассказала им про себя. Не надо было!

– Почему?

– К чему им утруждать себя чьими-то проблемами, тем более нашими. Они и раньше не особо волновались за нас. Дура! Зачем уж пошла!

– Ладно тебе, успокойся! Рано или поздно всё равно бы узнали. Ерунда! Скажи, ты думаешь отец согласится пожить у них? – поинтересовался я. – Я думаю никуда он не пойдет.

Его тут всё устраивает, сготовлено, убрано!

– Не знаю. Предложу ему, а там посмотрим, – с сомнением произнесла мама. – Ещё ведь переехать надо! В конце месяца ложиться в больницу на две недели, надо собрать и перевезти вещи, чтобы хоть жить уж в квартире!

– Мам, успокойся. Если получится, договорись на работе с машиной и коллегами, а переезжать я буду сам. Ты занимайся своим здоровьем и лечением! – решительно произнес я. Помолчав, продолжил. – Я думаю, переезжать мы будем вдвоём, без отца.

– Как? А его куда?

– Соберём вещи, пусть живет у бабушки с дедом! Им трёхкомнатную квартиру давали на всех, в том числе и на него. Для меня важнее сейчас твоё состояние, а его ничего не волнует и не беспокоит! Хватит! – ответил я. – Или ты хочешь, чтобы он с нами жил?

– Нет. Не хочу. У меня уже сил нет, – наотрез отозвалась мама.

– Тогда всё! – хладнокровно добавил я.

Отец лежал дома на диване перед телевизором, пребывая в состоянии отходняка. В этот вечер мама не стала заводить никаких разговоров с ним. Наверное, осмысливала и переваривала наш разговор, а я старался ничем не отвлекать её. Только кошка весь вечер не слезила с мамы, располагаясь то на груди, то на коленях.

Проснувшись утром, лёжа на кресле-кровати, я услышал

разговор родителей.

– Поживешь пока у матери с отцом, – решительно сказала мама. – Мы вчера были у них. Мне тяжело и скоро надо ложиться в больницу!

– Зачем?

– Я тебе уже говорила! Если не помнишь, можешь спросить у родителей!

В соседней комнате повисло гробовое молчание, в котором, как пить дать, отец пытался лихорадочно вспомнить, что ему говорили и о чём.

– Никуда я пойду!

– Я тебе ещё раз говорю, мне тяжело! У меня нет сил смотреть на твои постоянные пьянки!

– У тебя, что всё так серьёзно? – видимо, нарыв в своей памяти мамины слова, произнес отец. – Я не буду пить.

– Да? Долго ли?

Ответа от отца не последовало. За годы он не однократно зарекался и клялся, но всё повторялось снова и снова. На этот раз его заверения хватило на неделю, по истечении которой отец ушел в беспробудный запой.

После учёбы я запаковывал вещи и частично разбирали мебель, которой мы располагали. Вечерами, к столь предвкушаемому процессу переезда, присоединялась мама, но, вместо ожидаемого удовольствия, мне это больше напоминало отчаянное отбытие в неизвестность.

В конце февраля мы покидали общежитскую гавань, к ко-

торой были пришвартованы двенадцать лет, и где я рос и вырослел. В назначенный день, к общежитию подъехал грузовик с маминими коллегами в количестве пяти человек, которые из уважения к ней на протяжении многолетней совместной работы, вызвались помочь нам. Мы сделали первую ходку до квартиры, погрузив для начала крупные предметы нашего скромного быта. Ближе к обеду, когда были погружены оставшиеся вещи, из поликлиники прибежала мама. Вытащив перепуганную от шума и грохота кошку из запертого туалета, я аккуратно усадил её в сумку и взял на руки. Вдруг на пороге появился нетрезвый отец, вглядывавшийся в пустые комнаты.

– Всё. Мы уезжаем, – произнесла мама, вручив ему сумку с одеждой. – Вечером иди к родителям.

С кошкой на руках я закрыл дверь, и мы с мамой стали спускаться по лестнице вниз к грузовику, когда за спиной услышали пронзительное и протяжное «Не-е-ет!».

Вечером, едва обживая квартиру, на скорую руку, мы сварили пельмени и сели ужинать, мучаемые сомнениями и чувством вины. Через два дня мама легла в онкологический диспансер для обследования и подтверждения неутошительного диагноза. После учебы каждый день я навещал её, а вечерами распаковывал вещи и занимался обустройством нового жилища.

Спустя неделю, в очередной приезд, мы с мамой сели в конце длинного больничного коридора, и она произнесла:

«Пришли результаты моих анализов. У меня рак молочной железы. Третья стадия». После этих слов мой мир рухнул. Та тонкая надежда на возможный положительный исход, которую я до последнего вынашивал, оборвалась. Я заплакал, не сумев сдержать своих слёз, и уткнулся в мамину грудь, которая когда-то вскормила меня, а теперь превратилась в убийцу самого родного для меня человека.

– Господи, эти идиоты упустили столько времени! Два месяца! – рыдая, произнес я.

– Не плачь. Что теперь говорить, так получилось. Я не собираюсь сдаваться! Буду лечиться! – стала успокаивать меня мама, глядя рукой по голове. – Лечащий врач сказал, что сначала надо будет сделать три курса химиотерапии, потом операцию, затем снова курсы химиотерапии и ещё пройти облучение.

– Извини, это я должен тебя успокаивать. Это надолго? Лечение? – вытирая слёзы, спросил я.

– Сказали, что до конца года придется лечиться, а там посмотрят, что и как дальше, – растерянно произнесла мама. – Надеюсь только, что на больничные выживем как-нибудь.

– Я могу взять академический отпуск и пойти работать.

– Нет! Даже не думай! Тебе учиться надо, – испуганно произнесла мама. – Ладно, если бы ты на последних курсах был, а у тебя только первый. Сам же говорил, что у вас отчислили некоторых после первой сессии. Даже не смей! Выкарабкаемся!

Покинув больницу, я стоял на обочине возле автобусной остановки, уставившись отрешенным взглядом на серую ледяную колею зимней дороги, по которой мимо спешили машины. Зайдя в последнюю дверь подъехавшего автобуса, я встал возле окна, закусив губы. Дорога к дому тянулась около получаса, и пока я ехал, вытирая рукой слёзы, которые никак не могли остановиться, в голове заезженной пластинкой крутились вопросы «ну почему?» и «за что?».

ГЛАВА 8. ПРЕОДОЛЕНИЕ

Любому человеку в течение жизни приходится преодолевать испытания и трудности, которые выпадают на его долю, кому-то больше, кому-то меньше, кому-то легче, кому-то тяжелее. Жизненные обстоятельства и ситуации бывают разные, но по возможности следует постараться понять и найти ответ на вопрос «для чего это?». Существует расхожее мнение, что человеку посылают столько испытаний, сколько он может вынести. Хочется верить, что это действительно так, но в жизни случается, что по каким-то причинам некоторые могут начинать искать ответы на дне бутылки, погружаться в депрессию, сходить с ума или хуже того, сводить счёты с жизнью. И можно ли в таких случаях утверждать, что эти некоторые не выдержали того, что им было уготовано?..

В середине марта, сделав первый курс химиотерапии, мама выписалась из больницы, где её сразу предупредили, что на второй курс лечения необходим другой дорогостоящий препарат, который надлежало приобрести за свой счёт, поскольку больница им не располагала.

Осваивая вузовские дисциплины, я как мог, поддерживал и настраивал маму на благополучный результат. Временами домашний телефон подавал сигналы от друзей и бабушки из другого города, которая будто чувствовала что-то неладное, но по-нашему с мамой решению, находилась в неведении,

дабы оградить её от лишних волнений и переживаний.

После второй химии мама приехала домой измождённой и бледной. Без того сильно похудевшая, теперь испытывая регулярные приступы тошноты, она не могла толком ничего есть. От большинства запахов подступало к горлу, а готовка еды превратилась в настоящую экзекуцию. Домашнюю стряпню мне пришлось взять на себя и начать вариться, учитывая мамины гастрономические возможности и вкусы.

Субботним днём раздался стук в дверь, через глазок которой, я разглядел отца.

– Привет, – сказал я, открыв дверь.

– Привет, – ответил отец, будучи трезвым. – Мама дома?

– Дома. Ей плохо, она отдыхает.

– Ты как? – спросил отец, войдя в большую комнату, где на диване лежала мама.

– Не очень, тошнит, – медленно ответила мама.

– Почему? – поинтересовался отец.

– Химию сделали! – ответил я.

– Это что? – недоумевая, спросил отец.

– Лечение! – глубоко выдохнув, сквозь зубы произнёс я.

Выйдя из комнаты в соседнюю, я оставил дверь открытой, чтобы слышать разговор родителей.

– И долго тебе проходить это? – продолжал отец.

– Пока назначили три курса. Прошла второй. Потом не знаю, чего ждать...

В комнате повисло молчание, во время которого кошка

тихо проследовала на своих мягких лапах из большой комнаты в кухню.

– Меня попросили с работы, – время спустя продолжил отец. – Теперь вот хочу пройти обучение и устроиться охранником. Мне только прописка нужна, может пропишешь?

«Кто бы сомневался! Вместо поддержки очередные проблемы и просьбы!», – сидя в соседней комнате, мысленно негодовал я от услышанного.

– А родители не могут прописать что ли? – произнесла мама.

– Нет. Они сказали, что не будут.

– Мне сейчас не до этого. Очень плохо...

– Ну ладно! Я может потом зайду, – произнес обнадёженный отец. – Когда лучше-то?

– Потом! Сказала же, что плохо чувствует себя, – резко ответил я, показавшись из соседней комнаты. – Всё мам, отдыхай. Хватит!

Закрыв дверь за отцом, я сел возле мамы.

– Я не хочу и не буду его прописывать, – начала она. – Его родители потом будут сюда же гнать, по месту прописки. Надо их знать. Как они мне уже все надоели!

– Успокойся и отдыхай, – с улыбкой произнес я. – Это твоя квартира, и твоё право прописывать или нет.

– Из них никто даже не звонит. Ладно мне, но тебе-то могут позвонить?

– Зачем? – смеясь, спросил я. – Ты что! У них сейчас

много приятных хлопот и ожиданий. Во-первых, они все в ожидании правнука или правнучки, а во-вторых, думаю, они ждут, что мы первыми позвоним. Так сказать, попросим о помощи.

Я никогда не мог назвать себя баловнем судьбы и весь мой, пусть и небольшой, жизненный опыт показывал, что в жизни лучше всегда рассчитывать только на себя и свои силы.

Спустя неделю вновь раздался отцовский стук в дверь. Я пригласил его пройти в кухню, поскольку мама уснула в комнате.

– Есть будешь? – предложил я. – Есть куриный суп или тушёная капуста.

– Да, давай. А кто готовил-то? – поинтересовался отец.

– А это имеет значение? Допустим, я.

– Ладно, я просто спросил. Твоя сестра с Игорем ждут пацана. Позвонили бабуле, рассказали, – хлебная суп, сказал отец. – А эти двое, твоя тётка с Костей, вроде собираются летом расписаться. Потом хотят переезжать то ли в Германию, то ли ещё куда-то...

– Мои поздравления и тем, и другим, – равнодушно ответил я. – Хоть у кого-то в жизни всё нормально!

Пока отец доедал суп, я налили в кружки чай и присел за стол. Отец нервничал, а по лицу читалась мучительная озабоченность.

– Попроси маму прописать меня, – трясая ногой под сто-

лом, произнёс он. – Мне очень надо!

– Эту квартиру дали ей! Она сама решит, – ответил я. – Я ничего говорить и просить не буду! Ты хоть понимаешь, что с ней, и через что ей надо пройти? Или тебе в принципе плевать?

– Мне плевать? Вы меня значит выкинули, а сами жируете здесь! – возмущённо заголосил отец. – Устроились тут!

Опешив от услышанного, я уставился на него с полным недоумением.

– Я понял тебя, – ответил я отрешенно, понимая, что разговаривать без толку. – Да, жируем... Я бы даже сказал, зажрались мы тут!

Видимо, услышав наш громкий разговор, в кухню вошла мама.

– Привет! В чём дело? – поздоровавшись с отцом, спросила она.

– Всё те же, и всё о том же! – гневно произнес я.

– Мне прописаться надо! – нервно произнес отец. – Пропишешь или нет?

– Нет, не хочу, – тихо произнесла мама.

Отец резко вскочил, отшвырнув в сторону табурет, и твёрдой походкой направился к двери, оставив на столе кружку с недопитым чаем, а после нескольких секунд возни в прихожей раздался гулкий дверной хлопок.

Время текло безбрежной туманной рекой. Домашний телефон звонил реже, а мы не каждый раз обрывали его звуча-

ние. В четырёх стенах нашего квартирного мира безжизненно падали гладкие тёмно-пшеничные волосы, и мама купила себе новую причёску.

Мама окончила третий курс химиотерапии, а я первый курс института, где обучение диктовало потребность в компьютере, для покупки которого требовалась достаточная сумма. Поэтому на предстоящее лето, я, в срочном порядке, озадачился поиском временной работы. Выбор, конечно, был не велик, и я устроился в бригаду слесарей-электриков Главной канализационно-насосной станции города, расположенной недалеко от дома. Мои трудовые обязанности не требовали каких-то уникальных знаний и навыков, а преимущественно сводились к должному выполнению поручений бригадира, доверяющему мне, как самому «зелёному», всю грязную работу, которая в силу специфики места, абсолютно точно имела ни с чем не спутываемый запах. По началу меня мучило, а приходя домой, я чувствовал зловонный аромат от своих волос и кожи, но человек привыкает ко всему. Кроме того, у этой работы было преимущество – доплата за вредность, которая в моём случае являлась важной необходимостью.

Рабочая коммуникация здесь выстраивались на великом и могучем, но совершенно нецензурном русском языке, поэтому моё привычное общение сюда не подходило и заставляло коллег постоянно подбирать слова. Но через пару-тройку недель языковой барьер мной был успешно преодолен, и я

освоил «правильные» названия и прозвища всех необходимых для работы вещей и людей, которые искренне пришлись мне по душе.

В июле мама легла в больницу на операцию, исход которой был непонятен. Врачи не давали никаких прогнозов, а я каждый день находился один на один со своими мыслями и страхами. К моим душевным терзаниям добавилась телесная постоянно ноющая боль от кожной инфекции. Я умудрился подцепить её на своей далеко нестерильной работе, и которая к моему облегчению не была заразной. Я существовал в перманентном мучительном и изматывающем состоянии, начиная теряться. Навещая каждый день маму после работы, я изо всех сил старался улыбаться и не показывать своей тревоги, тогда как мама чрезвычайно переживала и не столько за себя, сколько за меня. Вечерами я не мог найти себе места до тех пор, пока мой мозг не отключался от перенапряжения, и я не погружался в непродолжительный сон на диване или в кресле. А просыпаясь в три–четыре часа ночи, ко мне начинали подкрадываться чёрные пугающие мысли. Я вспоминал девятый этаж и открытый чердачный люк, ведущий на крышу дома. Казалось, что я постоянно вращаюсь в беличьем колесе, хотелось остановиться...

Душным воскресным днём, возвращаясь из больницы, я вышел на конечной остановке и взял привычное направление в сторону дома. Еле перебирая ногами от усталости, наверное, впервые за многие месяцы, я поднял голову, что-

бы посмотреть вверх. Некогда голубым, небо было затянуто дымкой. В помутневшем воздухе я увидел золотое свечение куполов кафедрального собора и, остановившись, решил туда зайти.

Будучи крещёным в раннем детстве, иногда я посещал православную церковь или присутствовал на богослужениях вместе с мамой, но всегда ощущал себя там не в своей тарелке. Находясь в полутьме, окруженный горящими перед образами свечами и бормочущими молитвы людьми, я пребывал в состоянии подавляющей растерянности. Конечно, мама мне объясняла, что делать, как и для чего, но я никогда не стремился сам посетить церковь.

Войдя в храм, я почувствовал освежающую прохладу и, проследовав через притвор, ступил в среднюю часть, остановившись перед алтарём. Никого не было. Молитвенная тишина освещалась солнечными лучами, проникающими внутрь через подкупольные прорезные окна. Я опустил на одну из лавок, стоящих вдоль стен и уставившись на иконостас, мысленно начал просить и рассказывать о своих проблемах, слабостях и страхах. В какой-то момент я задремал или просто отключился, а когда открыл глаза, небрежно привалившимся спиной к стене, вокруг по-прежнему не было ни души. Перекрестившись, я вышел на улицу и посмотрел на часы. Прошёл час. Не знаю, что произошло за это время, но домой я вернулся другим. Туман в голове развеялся, мысли упорядочились, и, успокоившись внутренне, я понимал, что

мне по силам всё преодолеть.

Через день я позвонил с работы в больницу, чтобы дрожащим голосом справиться о состоянии мамы после операции.

– Операция проведена, длилась четыре с половиной часа. Пациент в реанимации. Состояние тяжёлое. Звоните завтра, – ответил строгий безразличный голос на том конце.

Через два дня маму перевели в палату. Несмотря на чрезвычайно усталый вид, она продолжала улыбаться и не собиралась сдаваться. В день её рождения я приехал с букетом цветов, которые она очень любила, а спустя три недели маму выписали, и вместе мы были дома.

– Отец-то не звонили тебе? – поинтересовалась мама. – Или может бабушка с дедом?

– Нет, забудь! – ответил я. – Им не до того. У них, наверно, уже правнук родился, а тётка подалась в молодожёны. Мы уж сами как-нибудь.

– Хоть бы поинтересовались живы ли ещё? Ты же всё-таки его сын и их внук!

– Ой, да плевать! Пошли они! Бог им судья, – нервно отозвался я. – Кстати, другая бабушка по межгороду звонила пару раз. Всё пыталась меня расспросами о том, что с тобой, а я врал, как обычно. Сказал, что ничего серьёзного, просто небольшая операция.

– Мне, кажется, мама всё понимает, просто боится произнести это вслух, – с тяжёлой грустью смотря в окно, ответила мама. – Ладно, я потом ей позвоню и расскажу. Ей и так

тяжело. Слепая, без ноги, и мы ещё недоговариваем. Материнское сердце не обманешь.

Маме дали два месяца для восстановления после операции, чтобы потом начать следующую химиотерапию. В конце августа, поблагодарив за работу, мне сказали, что будут рады видеть меня следующим летом. На заработанные деньги, не без помощи мамы, я смог купить себе компьютер, необходимый для учёбы и изрядно истощенным с первого сентября продолжил обучение в институте, где мои однокурсники не сразу признали меня, вопрошая: «Что с тобой? Ты болен?». Улыбаясь, я старался отшучиваться, и говорил, что много работал летом и сидел на кремлёвской диете.

В конце сентября наша кошка, любимый, преданный и усатый член семьи, появившаяся в доме, когда я учился ещё в первом классе, будто скрываясь от нас, начала подолгу лежать под креслом и почти перестала есть. Ветеринар объяснил, что у неё отказывают почки и прописал уколы, которые позволили лишь облегчить последние дни жизни. Спустя три недели, лёжа на пелёнке под креслом, родное существо, выросшее бок о бок со мной, впало в агонию. А на утро, завернув в белую наволочку, мы с мамой, найдя безлюдное место, похоронили кошку под пожелтевшими ветвями ивняка.

Закончив лечение химией в начале ноября, дополнительно маме назначили сорок процедур облучения, которые надлежало пройти в непрерывном режиме. После всего, через что пришлось пройти и выдержать, это казалось уже цветоч-

ками, если бы не одно событие, которое выбило нас из нака-
танной колеи.

Одним декабрьским вечером на пороге дома неожиданно появились мамина двоюродная сестра и жена двоюродного брата. Родственники по маминой линии жили в одном городе с нами, но учитывая мамино состояние, всегда договаривались или предупреждали о своём визите, но не на этот раз.

– Здравствуйте, проходите! Вы какими судьбами? – удивленно спросил я.

– Привет, мама дома? – с натушной улыбкой спросили они.

– Нет, но скоро должна прийти, – ответил я. – Чаю?

Зная своих двоюродных тётушек, как очень тактичных и деликатных, я не понимал, что их могло сподвигнуть появиться столь неожиданно и без предупреждения.

– Послушай, твоя бабушка, мамина мама, сегодня умерла, – произнесла одна из них. – Почему-то мамина сестра смогла дозвониться по межгороду только до нас. Она и общила...

До конца не поняв утрату, я опустил голову на руки и моё сознание начало окутываться мыслями: «Как сказать маме? Или не говорить? Нет, надо сказать, но у неё лечение... прерывать нельзя. Или не говорить, а сказать потом... после лечения? Как поступить?..». Пока я перебирал в голове возможные сценарии дальнейших действий в дверь позвонила мама.

– Привет. У нас гости, – открыв дверь, взволнованно произнёс я.

– Здравствуйте. Что случилось? – испуганно спросила мама, увидев за моей спиной неожиданных гостей.

– Сейчас, ты хоть разденься, – ответил я, уже понимая, что врать не стану, а скажу горькую правду.

– Ещё раз, что случилось? – пройдя в комнату, переспросила мама.

– Мам, бабушка умерла, – взяв её за руки, тихо произнес я, а после сразу обнял и прижал к себе.

Врачи не разрешили прервать лечение и поехать на похороны. Дали только два дня, чтобы дома спокойно оплакать родного человека. Мама не смогла увидеть последний раз и проводить в последний путь свою мать, из-за чего долго не находила себе место, но потом смирилась.

Завершив сороковую процедуру облучения, маму выписали со словами: «Что могли вам сделать, вы всё прошли, а теперь живите! Никаких гарантий никто вам не даст, поэтому вам необходимо стоять на учёте и регулярно обследоваться». Нам оставалось только надеяться на то, что всё будет...

Жернова 2004 года замедляли свой ход. Мы с мамой искалеченные, но живые, встречали следующий 2005 год. Вдвоём.

Сделав себе новую короткую стрижку, мама вернулась к работе, и мы начали привыкать к размеренной жизни в новых условиях. Прошёл год с того момента, когда я последний

раз видел деда и бабушку. За всё это время от них не было ни звонка, ни известия. Я иногда вспоминал их и думал, что всё-таки люди пожилые и с ними может случиться всякое. С одной стороны, мне очень хотелось, чтобы они узнали, что мы справились и преодолели, а с другой было не понятно столь их категоричное поведение, когда нас просто забыли, несмотря на долгие годы родственных отношений. Моя тётка и сестра, видимо, по каким-то своим соображениям, также предали нас забвению.

Однажды, будто прочитав мои мысли, мама поинтересовалась:

– Ты к бабушке-то с дедом не хочешь сходить?

– Не знаю. А что? – растерянно ответил я.

– Просто спросила.

– А ты?

– Нет, что ты! Боже, избавь меня! Не хочу, – решительно произнесла она.

– Я думал об этом, но не знаю, есть ли смысл навещать их, они, вроде как, приняли своё решение, – осторожно с сомнением произнес я. – А ты была бы против, если я пошёл бы к ним?

– Нет, абсолютно! Ты уже взрослый и принимай решения сам, – с улыбкой ответила мама. – Это твои родные бабушка с дедушкой. Если считаешь нужным сходить к ним, то пожалуйста. Смотри сам!

Спустя неделю, февральским субботним вечером я сто-

ял возле дома бабушки и деда, вглядываясь через темноту на знакомые светящиеся окна пятого этажа. Поднявшись, я остановился напротив двери, сомневаясь, звонить или нет. Несколько минут спустя, с колотившимся сердцем в груди я нажал дверной звонок.

– Здравствуй! Это ты? – уставившись на меня, удивленно произнес дед, открывший дверь.

– Привет, дед! Я, – улыбаясь, ответил я. – Можно?

– Да, заходи, конечно! Бабуля сейчас тоже дома.

Оставив меня в прихожей, дед поспешил в большую комнату, где громко работал телевизор и, видимо, находилась бабушка. Я не спешил раздеваться, потому как уже не чувствовал себя как дома и не знал, чего ожидать дальше.

– Ой, здравствуй! Как давно я тебя не видела! – произнесла бабушка, неожиданно появившаяся за дверью.

– Привет, бабушка!

– Чего стоишь? Раздевайся, проходи! Дед, поставь чайник!

Несмотря на начавшуюся привычную суету, когда в этом доме появлялись гости, лица бабушки и деда выражали испуг и растерянность. На этот раз я был незваным и неожиданным гостем, цель визита которого стала головоломкой для пожилых людей. На суетливые голоса из темноты маленькой комнаты появился трезвый отец, лицо которого сморщилось от освещения в прихожей.

– Привет, – протягивая мне руку, испуганно сказал отец. –

Что-то случилось?

– Привет! Нет. Просто проходил мимо, решил зайти – ответил я, понимая, что меня сочли недобрым вестником.

Мы все прошли в большую комнату, которая за минувший год совсем не изменилась, за исключением появившихся на полках серванта фотографий в рамках. Среди снимков бабушки и деда с сестрой и тёткой, дяди и его супруги, я заприметил фотографию незнакомого детского лица, должно быть их правнука и моего племянника. Фотокарточки со мной, как, впрочем, и с отцом или мамой, среди них я не увидел.

– Ну как живёшь? – решив начать беседу, произнесла бабушка.

– Нормально. Учусь. Вот проходил мимо вас, решил заглянуть, – ровным голосом ответил я. – Я ненадолго, поэтому не суетитесь.

– Чай-то хоть выпьешь? – растерянно спросил дед. – Как мать?

– Спасибо, выпью. Мама нормально, вышла на работу. В конце прошлого года её мать умерла, правда на похороны не смогла поехать, – продолжал я. – Как вы сами поживаете? Что нового?

– Ой, мы с дедом живём. Вот с правнуком нянчимся. У твоей сестры сын родился – твой племянник! Уже восьмой месяц ему, – оживленно заговорила бабушка. – Твоя тётя с Костей поженились. Сейчас вот живут в Германии, перееха-

ли туда вместе с его родителями. Хотят скоро к нам приехать. А ты молодец, что пришёл!

Когда новостные темы для разговора были исчерпаны, мы все молчком уставились в телевизионный ящик, транслировавший юмористическое нечто. Замершее гнетущее молчание оборвал свист чайника, доносившийся из кухни, куда стремглав засеменил подскочивший с дивана дед. Всё это время отец сидел и слушал, не проронив ни слова. Несколько минут спустя, заглянув в комнату, дед пригласил нас выпить чаю, на случай которого я захватил с собой небольшой вафельный торт. После непродолжительных кухонных разговоров о погоде, пенсии и политике, дед вдруг произнес:

– Ты знаешь, а твой отец-то совсем не пьёт! Работает охранником, посменно.

– Замечательно, я очень рад, – спокойно произнес я.

– Бать, кончай! – нервно оборвал отец деда, который намеревался что-то добавить в продолжение сказанному.

Допив чай, я решил, что пришло время ретироваться. По висевшему в воздухе напряжению, думаю, бабушка и дед тоже ожидали этого.

– Спасибо за чай, но мне уже пора. Рад был вас увидеть! – озвучил я и проследовал в прихожую.

– Я тебя провожу, – вдруг произнес отец. – Подожди, оденусь!

– Спасибо, что зашёл! – сказала бабушка, обнимая меня. – Не забывай нас, заходи!

– Да я, вроде, не забывал вас, – улыбнувшись, ответил я.

– Да, спасибо, что зашёл к нам, – произнёс дед, пожимая мне руку на прощание. – Приходи!

Распрощавшись, я вышел вместе с отцом на улицу. Мы зашагали молча через двор по сухому морозному снегу, искрящемуся под ногами.

– Слушай, я не могу с ними жить! Они меня постоянно упрекают и гнобят, – начал отец. – Прописать меня они не захотели, пришлось покупать прописку, чтобы устроиться на работу.

– Это же твои родители! Тебе, наверно, видней, почему они так решили?!

– Сказали, что мне у них нечего делать. Квартира не моя, – с досадой произнес отец. – Поставили условие – если живу у них, должен оплачивать коммуналку.

– А ничего, что эту трёхкомнатную квартиру в своё время давали на всех вас, в том числе и на тебя! – возразил я.

– Не знаю, может выжить меня хотят. Твоя тётка что-то там суетится! Слышал, как бабушка неоднократно обсуждала с дедом, кому оставлять квартиру.

Недолго помолчав, отец продолжил:

– Я сейчас не пью. Работаю в охране! Ставят на разные объекты.

– Рад за тебя, честно! – ответил я.

– Как-то встретил свою одноклассницу, у неё муж погиб пять лет назад. Живет с сыном, я иногда из дома к ней захо-

жу...

– Если ты за моим благословением, то это не моё дело! – произнес я. – Твоё право и твой выбор, с кем и как жить.

– Нет, ты не думай, я твою маму люблю...

– Ну вот с этим-то уж точно не ко мне! Ты бы это ей говорил! – возмутился я. – Ложка дорога к обеду, а сейчас думаю поздно. Слишком много воды утекло...

Дойдя до перекрестка, мы остановились.

– Ладно. Спасибо, что проводил! Дальше я сам добегу, а то холодно очень, – произнес я, глядя на отца.

– Я тебя, конечно, давно потерял, но не думал, что ты станешь таким, – смотря мне в глаза, сказал отец.

– Каким?

– Таким... Прямолинейным и принципиальным.

– Ну, каким уж получился. Благодаря или вопреки, – улыбнувшись, ответил я и, сняв рукавицу, протянул руку. – Давай, всего хорошего!

– Давай, счастливо! – пожимая руку, произнес отец. – Маме передавай привет!

– Передам.

Разойдясь в противоположные стороны, каждый из нас пошёл к своему дому. Слушая скрип снега под ногами, я начал осознавать, что за последние годы, пусть и недолго, мы впервые смогли просто поговорить друг с другом.

ГЛАВА 9. ПРОЩАНИЕ

Мама. Пожалуй, для большинства это самое родное и самое ценное слово в жизни. На многих языках мира оно звучит схоже, и практически каждого оно сопровождает с рождения и до последних дней. Трудно оценить всю значимость этого слова, но ещё трудней оценить человека, стоящего за этим простым словом.

В разные периоды жизни для меня мама становилась каменной стеной на поле боя, тихой бухтой в штормящем море, навигатором в густом тумане. Увы, осознавать и ценить это начинаешь не сразу, а только спустя время, когда в памяти остаются сокровенные воспоминания, которые начинаешь бережно хранить.

Мама жила и ценила каждый прожитый день. Я, окончив в 2008 году институт, устроился на работу с весьма скромным жалованием, решив, что для начала следует наработать опыт, а там время покажет.

Моё общение с родными продолжалось, но уже не так, как раньше и сводилось к нескольким визитам в год, преимущественно по какому-либо поводу. Мне сделали предложение стать крёстным отцом двоюродного племянника – сына сестры, которое после раздумий я всё-таки принял, хотя и не без сомнений, поскольку своими детьми я обзавестись ещё не успел. Расставшись с Игорем и прекратив с ним всякое об-

щение, сестра растила сына одна при помощи и активном участии бабушки и деда, которые охотно нянчились с первым и пока единственным правнуком. Моя тётка, обосновавшись в Гамбурге с Константином, родила ему дочь.

Каким-то образом отец продолжал работать, не оставляя своей пагубной привычки. Пересекаясь с ним в доме бабушки и деда, периодически я становился свидетелем его привычного состояния до боли знакомого мне. Хотя дед регулярно пытался заверить меня в обратном, оправдывая увиденное нелепыми доводами.

Мама категорически больше не желала никакого общения с родственниками отца, никто из которых в свою очередь тоже не попытался наладить взаимоотношения с ней, ограничиваясь лишь передачей сухих приветов посредством меня. Но всё-таки иногда родственники вынуждены встречаться. Только причиной для этого в лучшем случае становится свадьба, а в худшем – похороны.

В декабре 2009 года я узнал, что мой дядя, которым бабушка и дед очень гордились и ждали на предстоящий новый год, пропал. Он позвонил из Москвы, когда, проработав несколько месяцев в Риге, возвращался домой и сообщил, что приедет завтра на поезде, но в место назначения прибыли только его вещи. Со слов попутчиков и проводников, дядя сел в поезд и, видимо, заработав неплохие деньги, на радостях решил скоротать время в компании зелёного змия. По невыясненной причине, ночью на одной из станций

его высадила и забрала с собой транспортная полиция. Его мобильный телефон принимал звонки ещё дней пять, а потом замолчал и он. Больше узнать ничего не удалось. Естественно, дед и бабушка не находили себе места и поначалу надеялись, что может ещё объявится. Но когда прошёл месяц, другой, оставалось только надеяться, чтобы хоть найти и похоронить. В марте следующего года, когда начал сходить снег, супруга дяди отправилась в Вологодскую область для опознания найденного тела с пробитой головой, а через два дня сообщила бабушке и деду, что везёт их сына домой в цинковом гробу.

Это трагическое событие и послужило поводом для встречи мамы с родственниками спустя шесть лет. Она очень сильно волновалась и переживала, но будучи убежденной в необходимости попрощаться и проводить в последний путь некогда близкого человека, вместе со мной пошла на похороны. Купив цветы, в назначенное время мы подошли к знакомому подъезду, куда должны были доставить гроб. Своими детьми дядя не обзавёлся, но нажил большое количество друзей и коллег, которые для прощания с ним приехали даже из соседнего города. Затерявшись среди прощающихся, мы с мамой встали в стороне поодаль.

Когда родители хоронят своих детей – это противоестественно, но, к сожалению, в жизнях и судьбах на долю избранных могут выпадать столь тяжёлые искажения.

Спустя время из подъезда вышел дед и бабушка, которую

под руки держали сестра и тётя, прилетевшая из Германии. Трагедия не прошла бесследно и сильно подкосила стариков. Потускневшие глаза бабушки начали размывать окружающую действительность, а дед, будто неся на своей шее увесистое ярмо, пригнулся к земле.

Вытащив из катафалка, гроб поставили перед подъездом, откуда неожиданно в домашних штанах и тапках вывалился пьяный отец, который то ли от горя, то ли от хмельного бессилия, упал сверху на гроб, обхватив его руками. Спустя столько лет я, стоя рядом с мамой, среди большинства незнакомых мне людей, вновь, как в детстве, испытывал чувство безмерного стыда за отца, состояние которого, конечно, не позволило ему поехать на кладбище. Потеря родного брата, возможно, весомый повод, чтобы напиться и забыться, но у моего отца такие потери случались регулярно.

После кладбища мы со всеми родственниками и друзьями поехали на поминки, организованные в столовой училища. Послушав добрые воспоминания о дяде и почтив его память, все стали собираться по домам. Стоя на широком крыльце училища, мама решила подойти к бабушке.

– Мам, держитесь. Потерять сына – это ужасно, – не сдерживая слёз, произнесла она, взяв за руку бабушку.

– Ой, спасибо. И спасибо, что пришла, – со слезами на глазах ответила бабушка, а после обняла маму.

На мгновение могло показаться, будто между ними не существовало длительного молчаливого забвения, как вдруг,

заметив сочувствующие объятия, из кучи людей появилась сестра и подошла к маме.

– Вы знаете, им сейчас так плохо, они потеряли сына, – начала она. – Им нужна поддержка. Вы должны сейчас их поддерживать, они уже не молодые. Бабуля стала плохо видеть, дед тоже еле ходит. Моя мама сейчас живёт в Германии, а они одни...

– Я понимаю. Это тяжело, конечно, – спокойно ответила мама.

Возможно, сестра хотела поведать о чём-то ещё, но пока все ожидали, кто заказной автобус, кто такси, мы попрощались и пошли пешком.

– Оказывается я ещё что-то должна. С чего бы это вдруг? – с недоумением высказалась мама. – Ты слышал?

– Да, слышал. Успокойся, ты ничего не должна, – ответил я. – Когда плохо было тебе, никто из них не счёл нужным, хотя бы позвонить и спросить: «Жива ли?». Сходила, простилась и на этом всё.

Впоследствии сестра предприняла ещё попытку напомнить, но уже мне, о долге перед стариками, которым необходимо помогать на даче, так как им тяжело, и что вообще они много чего покупали и делали для меня. Заниматься сравнительными подсчётами того, сколько они покупали для сестры, я не стану. Пусть это останется в памяти каждого из нас. Но её калькуляция не изменила моего отношения.

В марте 2013 года на пороге рабочего кабинета мамы по-

явился отец, решивший просить о разводе, и спустя двадцать девять лет брак моих родителей был расторгнут по обоюдному согласию. Что послужило мотивом для его решения, точно не известно, но однажды, я слышал, как дед говорил отцу: «Разведись, найди себе другую бабу и женись на ней!». Может, будучи послушным сыном, отец последовал совету своего отца. Мама восприняла это давно назревшее событие спокойно, хотя думаю, как женщине, в глубине души ей было обидно за всё.

Что до меня, то в свои без малого тридцать я ещё блуждал в поисках родственной души. Возможно, не самый удачный пример родителей, а может мои внутренние сомнения и противоречия не позволяли предпринять серьёзные шаги в отношении тех, кто встречался или пересекал мой жизненный путь. Это обстоятельство не могло не порождать постоянные вопросы со стороны родных типа: «Девушка-то есть?» или «Когда уже женишься?». Мама в этом отношении была более деликатной, но иногда и она роняла фразы, что очень хочет внуков и будет с огромной радостью их нянчить.

Чем глубже я осознавал потребность в собственной семье, тем сильнее начинал ощущать нерасходуемую любовь, которая временами начинала вгонять в тоску. Но одним прохладным сентябрьским вечером мне предстояло встретиться с девушкой, с которой мы, как теперь принято говорить, познакомились удалённо на бескрайних просторах интернета. Данное randevu по переписке не было первым, и я не ожи-

дал ничего судьбоносного, поскольку большинство прежних встреч либо разочаровывали меня, либо разочаровывались во мне, но не на этот раз.

Она появилась из густой вечерней темноты в неяром свете уличного фонаря, бросавшего на мокрый асфальт возле меня млечное пятно. Глядя на меня большими карими глазами, она улыбнулась и тихо произнесла: «Привет! Это ты?». Мы начали ознакомительную беседу, медленно зашагав рядом друг с другом по освещаемым улицам. Она была аспиранткой по хорошо знакомому мне направлению – химии, а в свободное время осваивала театральное ремесло, играя в любительском студенческом театре. Её голос был размеренным, движения мягкими и неторопливыми, а сама она производила впечатление доброй и рассудительной особы. Немного замёрзнув, мы зашли в ближайшее кафе, где, сидя за столиком могли посмотреть друг другу в глаза. Я видел множество хрестоматийных сцен в кино, когда двое сидящих друг напротив друга чувствуют и понимают: вот оно, самое великое и бесценное чувство, которое они долго ждали и искали. Молниеносной стрелой Купидона я сражён не был, но меня определенно заинтересовала эта особа, и я ловил себя на мысли, что хотел бы вновь встретиться с ней. Впрочем, она тоже была не против.

Приближался 2014 год. Я строил планы и мечтал о будущем. Народная мудрость гласит: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах», и очевидно, я рассмешил Его.

Новый год мы весело встретили в широком кругу родных и близких людей, среди которых были мамы двоюродные сёстры и двоюродный брат со своими семьями, а также их друзья. Всё бы ничего, но маму донимала боль в ноге, в результате которой она начала прихрамывать. Врачи, будь они неладны, заверили, что это артрит и прописали какие-то уколы и массаж, но их рекомендации не дали никакого эффекта.

В феврале судьба предоставила мне возможность отправиться в двухнедельный запланированный отпуск, по приезду из которого я узнал, что маме неожиданно стало хуже. За несколько дней до моего возвращения в её лёгких обнаружили скопление жидкости, которая затрудняла дыхание, и в срочном порядке отправили в больницу. Спустя несколько дней, вновь почувствовав тяжесть дыхания, мы отправились в приёмное отделение республиканской больницы, где маму осмотрела молодая хирург. Выслушав жалобы на отдышку и трудное дыхание, она обратила внимание на хромоту.

– А с ногой что? – поинтересовалась она. – Ушиб? Снимок делали?

– Нет, в поликлинике сказали – артрит, – ответила мама. – Снимок не делали, хотя я просила их неоднократно!

– А какие-то заболевания были раньше?

– В 2004 был рак молочной железы, – осторожно ответила мама.

– Сделаете сейчас снимок! – пристально глядя на маму, произнесла хирург.

Проведя около получаса в коридорном ожидании, нас пригласили в кабинет. Пристально всматриваясь сквозь свет, проливающийся из окна, в снимки, врач положила их на стол и перевела взгляд на нас.

– У вас, возможно, начались рецидивирующие последствия вашего заболевания, – подбирая слова, начала она. – Но я не онколог! Вам лучше обратиться к специалисту. Ваши проблемы с лёгкими, скорее всего, тоже связаны с перенесенным заболеванием. Я настоятельно рекомендую вам пройти полную диагностику для окончательного заключения.

Мама начала задавать вопросы, не понимая до конца, о чём именно говорила молодая хирург, в то время, как я стоял неподвижно, сковываемый паническим ужасом.

– Мама, подожди меня пока в коридоре, – собравшись с духом, произнес я. – Сейчас поедем, врач уже всё объяснила.

Оставшись в кабинете один на один с врачом, я испуганно спросил:

– Правильно ли я понял, что это снова онкологическое заболевание?

– Скорее всего, но я не могу утверждать наверняка, – ответила она. – Вам лучше обратиться к онкологу.

– Да, но ведь прошло уже десять лет, – не унимался я. – Я думал это давно в прошлом?

– Увы, нет! Рецидивы происходят достаточно часто. Вас не предупреждали и не говорили об этом?

– Нет! Никто ничего подобного не говорил, – растерянно ответил я. – Я даже не думал, что такое возможно...

– Что тебе сказала врач? – обеспокоенно спросила мама, когда я вышел из кабинета в коридор.

– Надо идти к онкологу, – встревоженно ответил я. – Надо обследоваться!

– Почему? Что, опять?

Спустя неделю маме сообщили о рецидивирующем заболевании с поражением внутренних органов и бедренной кости. Последнее существенно осложняло нам жизнь, поскольку теперь маме требовалась постоянная помощь при передвижении. Спустя десять лет, мама, уткнувшись в мою грудь, рыдала со словами: «Неужели опять? Почему? Я не хочу!». Мне оставалось только взять себя в руки и с максимально возможным хладнокровием в голосе произнести: «Успокойся, будем лечить! Я буду рядом!». Вместе нам предстояло зайти на второй круг.

Неделя за неделей, месяц за месяцем, время перемещало нас по хронометражному ряду от больницы до больницы, от терапии до терапии, от обследования до обследования...

Маме становилось труднее передвигаться, пока однажды, подъехав к подъезду, она не смогла выйти из машины, почувствовав неимоверную боль в ноге. На моих руках и ногах со слезами и криками от боли мама добралась до квартиры, откуда потом она долго не сможет выбраться. Позже мы узнаем, что причиной тому стала трещина в бедренной

кости, которая, к нашему облегчению, восстановится через месяц и позволит маме, пусть медленно, но добираться до ванной комнаты и туалета. А пока, пригласив домой нотариуса, мама оформила на меня доверенность, чтобы от её имени я мог выпрашивать и получать то необходимое, что могло облегчить её жизнь.

Тем временем моя жизнь превратилась в клубок, спутанный из работы, нескончаемых домашних забот, обивания порогов врачебных кабинетов и социальных служб. На личную жизнь времени и сил практически не оставалось. Меня беспокоило, что если та, которую я долго искал, устанет от череды моих проблем и обстоятельств и однажды не ответит на мой звонок или напишет смс-сообщение с просьбой не звонить ей больше. Но что-то изменить я был не в силах. Мне оставалось лишь надеяться на её понимание. Чтобы доказать избраннице искренность своих намерений, я решил познакомить её с мамой. Тем более мне самому давно хотелось представить их друг другу. По началу мама откладывала знакомство, потому как истинная женщина была крайне обеспокоена за свою внешность и состояние, в котором придется предстать, но желание узнать и оценить выбор сына оказалось сильнее. В условленный день они познакомились и, как мне показалось, очень понравились друг другу, чему я был несказанно рад.

Не успев оглянуться, 2014 год завершил свой черёд и его сменил 2015, когда с мамой и моей избранницей, втроем мы

тихо поздравили друг друга. На новогодних выходных, по традиции я наконец-то решил добраться до бабушки и деда, которых не навещал с конца лета. Когда мама вновь заболела, мы сразу решили с ней, что ни отцу, ни его родителям я не буду ничего говорить о её состоянии.

Дом бабушки и деда, словно крепкий и надёжный ковчег, некогда принимавший всех родных в своих стенах, теперь казался обветшавшим и унылым. В углу большой комнаты, как раньше, стояла невысокая небрежно украшенная ёлка, а по центру – небольшой скромно накрытый к моему приходу стол.

– Ну, давай, с новым годом! – произнёс дед, поднимая худощавой рукой бокал с газированным вином. – Спасибо, что зашёл, не забываешь! Чего так долго не приходил?

– Дел очень много, не успеваю, – ответил я.

– К свадьбе что ли готовишься или уже женился? – с детской наивностью спросила бабушка, глядевшая сквозь меня ослабленным взором.

– Нет, не готовлюсь. Просто много работы, – сдержанно произнес я. – Как вы поживаете?

– Живы и слава Богу! На улицу теперь только с дедом хожу. Одна уже боюсь! – ответила бабушка. – Недавно вот ночью встала и упала, потеряла сознание, да головой ударилась. Хорошо ничего не сломала, но несколько дней всё болело. Дед вон осенью поехал на дачу, так тоже еле живой приехал! Не пускаю больше одного туда.

– Да, пёс-то наш в ноябре умер. Старый уж очень был, еле ходил, – вспомнив, неожиданно произнес дед. – Не знал, наверно?

– Почему? Бабушка звонила, рассказывала, – ответил я. – Жалко, конечно, добрым был.

Вдруг в комнату с отёкшим лицом вошёл заспанный нетрезвый отец, который уже явно продолжительное время встречал Новый год.

– Чё, сидите? – произнес он, присаживаясь за стол. – Как мама?

– Нормально, работает, – ответил я, глубоко выдохнув. – Как сам?

– Ты за меня не беспокойся, лучше маму береги! – медленно ворочая языком, произнес отец.

– Вино будешь пить? – глядя на отца, спросил дед. – На, вон, за праздник!

– Куда? Мне кажется ему достаточно! – возмутился я.

– Ой, кончай бухтеть! – раздался обозлённый отцовский голос. – Умный слишком стал!

– Чего не рассказываешь, что с работы уволили, – спросила бабушка.

– Мам, не начинай! Не за ваш счёт живу! Я пенсию заработал, – прищурился, ответил отец, а затем махом проглотив бокал шампанского, сморщил лицо. – Да пошли вы! Сами пейте свою кислятину.

– Уже второй месяц не просыхает, – тяжело вздохнув, об-

ронила бабушка, когда, хлопнув дверью, отец, шатаясь вышел из комнаты. – Напьётся, орёт! Я уже говорю, что милицию вызову...

– Твой отец дурью мается! Ничего не хочет, – добавил дед.

– Для меня это не новость. Ещё сами наливаете! – с недовольством в голосе ответил я. – Значит ему нравится так жить.

Просидев ещё некоторое время, а после обняв и поблагодарив бабушку и деда, я поспешил домой, где меня ждала мама.

Наступил март, когда, пройдя очередное обследование, я вошёл в кабинет лечащего врача один, чтобы услышать заключение о мамином состоянии.

– К сожалению, динамика отрицательная, – начал он. – Появились новые очаги поражения. Делать снова курс химиотерапии нельзя, прошло мало времени, и организму надо восстановиться. Для вашей мамы сейчас остаётся только поддерживающая терапия и обезболивающие средства.

Умом я понимал, что проигрываю в битве за самого родного человека, но как мог, до последнего старался гнать от себя пугающие мысли, продолжая надеяться на благополучный исход или чудо.

– И сколько ей осталось? – набравшись смелости со слезами на глазах спросил я.

– Не знаю. Нам это не ведомо. У каждого по-своему, – стандартной и, наверно, заученной фразой прозвучал ответ.

Дома я сказал маме, что всё без изменений и надо продолжать выполнять рекомендации врача. «Поверила ли она мне?», – трудно ответить, но материнское сердце нелегко обмануть. Теперь для меня самым важным становилась добыча необходимых препаратов, для которых, в нашей стране, сначала следует собрать кучку заключений и справок, затем объяснить для чего и кому это нужно, после услышать вполне себе допустимую «этическую» фразу: «Ну, давайте! Сколько уж там вашей маме-то осталось...», и наконец, в форме вишенки на торте, получить ответ: «Препарата нет, закончился! Поставим в очередь, перезвоним!».

Казалось, что мама чувствовала неизбежное. Она просила меня, как можно скорее, после работы приходить домой, чтобы быть рядом. Вечерами она рассказывала мне всё или почти всё про свою жизнь, про отца и его родных, будто хотела выговориться или исповедаться, а возможно, чтобы я сделал какие-то выводы для себя. Я слушал.

– Послушай, мне очень хотелось бы ещё пожить... Очень хотелось бы увидеть твоих детей, но... – однажды с дрожью в голосе произнесла она. – У меня будет к тебе просьба, если со мной что-то случится, прошу, не сообщай ничего отцу и его родственникам. Я не держу на них никакого зла или обиды, просто не хочу.

– Хорошо. Обещаю, – с трудом сдерживаясь, ответил я.

– Господи, если меня не станет, они же от тебя не отстанут! Лишь бы ты забрал отца от них, – в отчаянии сказала

мама.

– Хватит. Не будем об этом думать. Всё будет нормально, – пытаюсь успокоить её, произнес я.

Физическая и душевная усталость, ощущение беспомощности и щемящая боль в груди от неизбежной утраты человека, любящего меня абсолютно. С этим бременем, однажды медленно перебирая ногами на обеде, я бродил по городскому парку, расположенному недалеко от работы. Бесцельно петляя по безлюдным дорожкам, я слушал хлюпанье снежной каши под ногами, сопровождаемое разносившимся над головой предрекающим вороньим карканьем. Как вдруг, навстречу мне появилась молодая женщина, держащая за руку мальчика лет пяти от роду. Поравнявшись со мной, она взглянула на меня и улыбнулась.

– Бог любит вас! – тихо произнесла она и протянула мне какую-то брошюру.

– Спасибо, – опешив от неожиданности, ответил я и протянул в ответ свою руку.

Сложенный вдвое бумажный лист заключал в себе цитаты из Евангелий, суть которых я не запомнил, а вот на обратной стороне была записана христианская притча, содержание которой навсегда отпечаталось в моей памяти.

***

Однажды человеку приснился сон. И снилось ему, будто идёт он песчаным берегом, а рядом с ним – Господь. На небе поочерёдно появлялись картины из его жизни. Там были и

радостные события, и печальные моменты, и очень тяжёлые горестные дни. И человек заметил, что после каждой картины из его жизни появлялись следы на песке. И тогда он спросил у Господа:

– Что означают эти следы?

И Господь отвечал ему, что одна пара следов принадлежит человеку, а другая ему:

– На протяжении всей твоей жизни, и в радостные, и печальные дни я шёл рядом с тобой.

Но человек заметил, что самым тяжёлым и горестным дням его жизни, сопутствовала лишь одна пара следов на песке, и тогда человек опечалился и сказал:

– Ты говорил мне, что если я последую путём твоим, ты не оставишь меня, но почему же ты покидал меня, когда я больше всего нуждался в тебе?

На что Господь отвечал ему:

– Моё дитя, я люблю тебя и никогда не покину. Просто в те времена, когда в твоей жизни были горе и испытания, я нёс тебя на руках.

***

Прочитанная притча не облегчила усталость и не заглушила боль, но отозвалась во мне эхом веры, что там кто-то присматривает за мной и, если что поможет выдержать и преодолеть тяжёлый период в жизни.

По весне, отметив праздник Пасхи, состояние мамы начало резко ухудшаться. Сильные боли больше не позволяли

ей передвигаться и даже просто лежать. Она почти перестала спать. Сидя, облакачиваясь на упругую диванную подушку, мама лишь ненадолго погружалась в дремоту, а по ночам громко звала к себе и, падая на мою грудь, начинала со слезами извиняться и говорить, что ей тяжело и очень плохо. Беспокойные дни начинали путаться с бессонными ночами, и мне ничего не оставалось, как написать заявление и перейти на сокращённый рабочий день.

Самый сильный страх, живший во мне с раннего детства, теперь становился неотвратимой реальностью, постепенно превращаясь в вынужденное слёзное прошение о завершении страданий.

Майским днём накануне Дня Победы я прибежал с работы домой и сменил тётю, мамину двоюродную сестру, которая вместе с женой мамино двоюродного брата последние дни помогали мне ухаживать за мамой, поскольку оставлять одну её стало уже невозможно. Мамино сознание становилось смятённым и путанным, и иногда она произносила несуразные фразы. В кухне я вдруг услышал, как мама позвала меня.

– Не обижайся на меня, пожалуйста, – глядя в мои глаза, произнесла она. – Я замучила тебя. Прости меня...

– Ты что? Не выдумывай! Я не обижаюсь, – тихо ответил я.

Вдруг мамыны глаза закатились, тело обмякло, а дыхание стало затяжным. Подложив подушку под бок с одной стороны, я сел рядом с другой стороны и крепко обнял её. Так я

просидел три с четвертью часа, после чего мамино дыхание остановилось.

Три с четвертью часа. Столько мне предоставила Смерть, чтобы смириться с происходящим, успеть сказать всё, что должен был сказать, и, наконец, покаяться, за что делал или не успел сделать для человека, подарившего мне жизнь. Восьмого мая в возрасте пятидесяти девяти лет мама оставила этот мир и надеюсь, что с лёгким сердцем.

Назавтра мой город вместе со всей страной праздновал семидесятую годовщину Дня Победы, тогда как в моём доме победу праздновали пустота и одиночество. На улице стояла жаркая солнечная погода, что для наших краёв в это время года скорее являлось аномалией. Деревья уже были покрыты молодыми зелёными листьями, пели птицы и цвели цветы, а земля была тёплой.

На похороны пришли все, кто знал маму: родные, друзья, коллеги, знакомые. Все, кроме отца, деда, бабушки и сестры. Я сдержал данное обещание и не сообщил им о своём горе. Когда всё подошло к концу, и народ с кладбища стал собираться на поминки, стоя возле свежей могилы, напоследок я тихо произнёс: «Люблю и всегда буду помнить тебя, прощай!».

ГЛАВА 10. ОТКРОВЕНИЕ

Детей важно хотеть и нужно любить, чтобы они начинали свою жизнь с бессознательным ощущением собственной ценности.

После смерти мамы, пребывая в состоянии опустошённости, я решил на время отложить планы по созданию семьи вместе с той, которую нашёл. Кроме того, нам требовалось сосредоточиться на окончании обучения. Мне в университете, где я получал второе образование, а моей избраннице в аспирантуре. Я был уверен, что она с пониманием отнесётся к моему решению, потому как, несмотря на все мои прежние семейные трудности и бесконечную занятость, она ни разу не упрекнула меня.

Спустя три месяца после кончины мамы на моём телефоне раздался звонок от бабушки.

– Привет, – осторожно произнесла она.

– Привет, бабушка! – ответил я, ничего не подозревая.

– Послушай, это правда, что твоя мама умерла? Я же тебе звонила несколько недель назад, ты даже ничего не сказал.

– С чего ты это взяла? – растерянно спросил я.

– Дед сейчас сказал. Он в автобусе встретил знакомую, у которой муж вроде работал с твоей мамой, – начала объясняться бабушка, слова которой я уже не слушал. – И ты ничего не говорил?

– Кто она? Что за знакомая? – пытаюсь защитить нашу с мамой тайну, начал я громко и гневно говорить в трубку. – Не говорил, значит так было нужно! И какое вам дело до этого?

– А что ты кричишь-то? Не кричи, – продолжала она. В то же время на заднем фоне слышалось бормотание деда, с которым параллельно переговаривалась бабушка. – Он психует! Я не буду с ним сейчас разговаривать. Успокойся, да потом...

После чего я услышал в трубке телефонные гудки. Меня трясло от негодования. Хотя я понимал, что шило в мешке не утаить и всё тайное рано или поздно становится явным, но мне хотелось, чтобы это произошло позже. Спустя минут пятнадцать вновь раздался звонок, на этот раз от сестры.

– Привет. Я сейчас узнала, что у тебя мама умерла. Ты ничего даже не сказал, – тихо начала она. – И когда?

– В мае! – нехотя ответил я.

– Ой-ой-ой, так это уж, как три месяца! А почему не общил-то?

– А зачем? Для чего?

– Ну мы же всё-таки не чужие люди! Столько лет знали твою маму, – произнесла сестра. – Я её помню! Она всегда была такой доброй женщиной...

– Да, очень добрая была женщина! Только вот когда заболела и стало плохо, то что-то все отвернулись от доброй-то женщины! – злобно сказал я. – И более того, никто даже не

поинтересовался, а жива ли вообще добрая женщина!

– Ты так сердито говоришь, будто я виновата.

– Никто не виноват. Всё уже в прошлом и человека нет! – оборвал я. – Сложилось так, как сложилось.

Отключив звонок, я опустил на диван и, уставившись в одну точку, погрузился в совсем ещё свежие тревожные воспоминания о последних событиях, связанных с мамой. Спустя полчаса мой транс был прерван очередным звонком телефона, на дисплее которого высветился номер отца.

– Это правда? Про маму? – раздражённо спросил он

– Да, – отрешенно ответил я.

– Когда?

– Восьмого мая.

– Из-за чего?

– Ты знаешь! Рак. Спустя десять лет произошёл рецидив.

– Почему не сказал?

– Это была её просьба, и я её исполнил. Даже если бы она не попросила, я сделал бы также! – искренне ответил я. – Не хочу сейчас разговаривать, но если хочешь, давай потом созовимся. Придешь и поговорим. Я тебе всё расскажу. Только, пожалуйста, трезвым!

Говорят, что мужчины не плачут. Враньё! Любому настоящему мужчине бывает больно, и иногда он всё-таки плачет. Спустя две недели, в воскресенье пришёл отец. Сев в кухне за кружкой чая, который останется нетронутым, я начал рассказ о последнем годе маминой жизни. Не сдерживая слёз, я

вспоминал и снова переживал болезненные события. Отец, молча вытирая слёзы, слушал меня, иногда выходя из кухни в комнату и возвращаясь спустя некоторое время.

– Почему же ты не сказал? – вновь спросил отец.

– Я уже говорил тебе, это была её просьба, – ответил я. – Она ни на кого из вас не держала зла или обиды, просто так решила для себя.

– Можешь мне сделать её фотографию? Такую же, как у тебя стоит в комнате.

– Да. Куплю рамку и распечатаю.

Спустя пару часов я попрощался с отцом в надежде, что он услышал и понял меня и может хотя бы теперь изменит своё отношение к жизни. Но я заблуждался в очередной раз.

С наступлением августа вместе с моей избранницей мы отправились в отпуск к морю, чтобы побыть наедине друг с другом и отвлечься от печальных событий и воспоминаний. По приезду я погрузился с головой в подготовку к заключительной сессии, которую из-за семейных обстоятельств вынужден был перенести с весны на осень. А вернувшись домой, раздался телефонный звонок от сестры.

– Слушай, твой отец попал в наркологию, – начала она. – Он позавчера вечером ушёл, и вот узнали, что он там!

– Его забрали что ли? – уточнил я.

– Да, вроде полиция нашла на улице и потом увезли в больницу. Он два месяца не просыхал. Дед позвонил, ему сказали, что у него тяжёлое похмельное состояние. Продер-

жат дней десять, ну и уже на учёт поставят!

– Хорошо, я понял. К нему, наверно, не пускают?

– Нет, только передачи принимают. Телефона у него нет, забрали. Может ему сменное бельё надо и продукты. Дед что-то отвёз, но там всё не разрешают.

– Я съезжу. Куплю, что нужно и отвезу. Спасибо, что сказала.

На следующий день, купив отцу бельё, воду и продукты, я отвёз сумку со всем необходимым в больницу, где после продолжительной попытки достучаться, дверь открыла выпивошная санитарка, поинтересовавшись: «Кому и от кого?». Также в сумке с вещами я оставил письмо, написанное накануне, в котором изложил примерно следующее: «Если тебе нравится подобный образ жизни, это твоё право и твой выбор, как жить. Если ты потерял интерес и смысл в жизни, мне искренне жаль, но пока не поздно, остановись. Не надо топить в пойле свою жизнь или искать смерть таким способом. Напомню, что мама абсолютно точно была бы против! Заниматься постоянными уговорами я не хочу и писать или говорить больше ничего не буду!».

А вечером того же дня мне решила позвонить бабушка.

– Ты к отцу-то съездил? – вздыхая, спросила она. – Как он?

– Съездил. Без понятия, к нему же не пускают! Необходимые вещи отвёз.

– Ой, он постоянно пьёт! Ходит, матерится, орёт, – изли-

вая душу, начала она. – Я уже так устала! Пока он в больнице, хоть спокойно пожить. Может его закодировать?

– Да? Может. Вот ты ему и предложи! В своё время вам говорили, а теперь...

– Он меня не слушает, – буркнула бабушка.

– А меня тем более! Я эту картину маслом наблюдаю давненько и честно уже надоело – сердито произнес я.

Мне было очень знакомо и понятно состояние бабушки. Жить бок о бок со злоупотребляющим человеком и регулярно выслушивать его хмельные откровения – удовольствие сомнительное, тем более в преклонные семьдесят семь, когда хочется размеренной тишины и покоя. Но меня ужасно раздражал тот факт, что родные про меня вспоминали исключительно тогда, когда возникала какая-то проблема или требовалась помощь. Позвонить, чтобы просто поинтересоваться или поговорить – нет. Но зато мой номер сразу вспоминался, если вырисовывалась проблема. А уж если её причиной становился отец, то тут однозначно, по мнению родственников со словами «Это же твой отец!» я был обязан бросить всё и заняться её решением. Хотя по совместительству мой отец являлся также их сыном, братом и дядей.

Когда отца выписали из больницы, мне сразу отзвонилась бабушка, чтобы уведомить о данном факте, в ожидании, что я приду и проведу нравоучительную беседу с ним. Сам отец не позвонил, видимо, не посчитав нужным, хотя бы просто поблагодарить.

Но спустя полтора месяца он неожиданно набрал мой номер.

– Привет. Ты дома? Один? – дрожащим голосом спросил он.

– Привет. Да, один.

– Можно я к тебе через полчаса приду?

– Заходи, – с недопониманием ответил я. – Что-то случилось?

Не ответив, отец оборвал звонок, а через некоторое время раздался стук в дверь, за которой стоял осунувшийся и встревоженный отец. Его растерянные голубые глаза поблёскивали на свету, а нос периодически шмыгал. Отказавшись от еды и чая, мы сели на кухне за пустой стол.

– Что-то произошло? – поинтересовался я.

– Да. Бабуля вчера обрадовала, – помолчав и обведя глазами кухню, тихо произнес он. – Сказала, что они с дедом вообще-то не хотели меня рожать... И надо было сделать аборт. Но потом она передумала...

– В смысле? А тебе она для чего это сказала? – вытаращив глаза, возмущенно произнес я.

– Не знаю, – стискивая зубы, ответил отец. – Ещё сказала, что лучше бы я умер вместо брата.

– Она дура что ли? Или неадекватная? – крикнул я, но потом резко осекся, сжав губы, понимая, что всё-таки она его мать. – Она вообще понимала, какие слова произносила?

– Не знаю, может из ума выживает, – отвернув от меня

лицо и глядя в окно, почти шёпотом сказал отец.

– А дед что? Молчал? – не унимался я.

– Ничего...

– Это, конечно, не от большого ума! На дураков не обижаются! – пытаюсь найти слова поддержки, ответил я.

– Только это между нами. Не надо им ничего говорить. И что к тебе приходил тоже. Задолбают потом расспросами!

Я сидел молча, будто меня огрели обухом по голове, и пытался найти хоть какое-то разумное объяснение случившемуся.

«Если предположить, что отец в очередной раз достал её своими пьянками, и она в сердцах произнесла эти слова... Но даже если это правда, зачем такое говорить своему ребёнку, большая часть жизни, которого уже прожита? А уж желать смерти... такими словами не разбрасываются! Дура! Что она натворила!», – думал я.

Посидев молчком друг против друга, изрядно перенерничавший отец попросил налить ему кружку кофе и что-нибудь перекусить.

– Кстати, я прочитал твоё письмо, которое ты положил в сумку с вещами, – заговорил отец. – Правда, я не сразу его увидел, а спустя время... Как ты понял, что я ищу?

– Я не первый год знаю тебя, – нарезаю хлеб, ответил я. – Ты сделал свой выбор в пользу неиссякаемого пойла... Не знаю, может тебе и очень плохо, но это не выход! Тем более не надо брать грех на душу, каждому своё время...

– Может мне покреститься?

– Покрестись. Если чувствуешь потребность или если это поможет тебе. Твоё право! Тут ты сам решаешь.

Отец пристально наблюдал за мной, пока я суетился в кухне, а потом, поблагодарив за всё, пошёл домой к своей матери и отцу. Я ещё долго перемалывал наш разговор и бабушкино откровение, сказанное по какой-то причине отцу. В своё время, вдоволь нахлебавшись от него, я, конечно, не оправдывал его, но в чём я был абсолютно уверен, так это в том, что отец искренне любил своих родителей и первым откликнулся на их зов о помощи. Он был и маменькиным и папенькиным сынком, который во многом слушал родителей и доверял им. И тем больше в моей голове звучало сказанное бабушкой, которая просто перечеркнула его жизнь, а вместе с ней и мою, как продолжение и неотъемлемую часть.

Оправданием произнесённого могла служить неменяемость или умалишенность сказавшего человека. Но бабушка, несмотря на возраст, рассуждала достаточно ясно и трезво. Зная отца как неуверенного в себе, я с содроганием понимал, что бабушкины слова лишь ускорят его падение на дно горькой пропасти.

ГЛАВА 11. ПРИГЛАШЕНИЕ

Человеку трудно жить одному и ему нужен другой человек. Создание семьи требует взвешенного решения, когда на смену одному эгоистичному «Я» приходят семь, воедино сплетающихся в крепкое «МЫ».

Летний отпуск 2016 года с избранницей мы решили провести на славном море – священном Байкале. Уверен, что жителям нашей страны не имеет смысла рассказывать об уникальности и живописности этого озера, название которого, хоть раз в жизни слышал каждый. Владея маломальскими знаниями в области экологии и охраны окружающей среды, могу заверить, что эта пресноводная колыбель – бесценный подарок Природы, которым нам доверено не только распоряжаться, но и защищать от самих себя.

Я, дозрев до приглашения в свою жизнь той, которую нашёл, решил, что лучшего места для этого жеста не найти. Хотя очень многими кинорежиссёрами, талантливыми и не очень, в своих работах насаждается штампованная глянцевая сцена брачного предложения. Когда он приглашает её в респектабельный ресторан и, сидя за столиком при свечах, под тихую нежную музыку с хорошим вином и вкусной едой, задаёт важный для обоих вопрос: «Ты выйдешь за меня?». Возможно, любая избранница придёт в восторг от столь банального, но романтического предложения. Мне ужасно не

хотелось следовать навязанной манере поведения, поэтому бескрайний и местами дикий берег Байкала стал наилучшей альтернативой.

Покупка помолвочного кольца не заставила себя долго ждать. Единственным затруднением стал выбор подходящего размера на глазок. Я собрал всё необходимое в туристический рюкзак, и мы отправились в долгую дорогу. Нашей конечной остановкой значился небольшой посёлок Максима, расположенный на восточном берегу озера, где четверо суток спустя, остановившись в небольшом гостевом доме, мы наслаждались размеренным плеском волн синего чистого Байкала.

Устаканив временный быт, в один из погожих дней я предложил своей спутнице отправиться в двухдневный поход с ночёвкой. Положив в рюкзак палатку, спальные мешки и запас провизии, я захватил привезённое кольцо. Утром мы выдвинулись на север вдоль берега, поочередно шагая по мокрому песку, влажному хвойному лесу и рассыпанным скользким валунам. Уйдя от посёлка на километров пятнадцать и, оставив позади места людского присутствия, мы остановились в небольшой уединённой бухте.

– Замечательное место. Остановимся здесь? – спросил я её. – Ты устала, наверно?

– Да, давай. Уже вечерет, – ответила она. – И хочется отдохнуть.

– Сейчас выберем подходящее место для палатки, поста-

вим и поужинаем, – распаковывая рюкзак, сказал я. Недалеко в стороне я заприметил два поваленных дерева и, улыбаясь, произнёс. – А вот и место для нашего ужина!

Спустя время наша маленькая обитель, расположенная между кромкой леса и бескрайней поверхностью озера, золотеющей в лучах заходящего солнца, была готова. Расположившись на поваленных деревьях, я открыл две банки с кашей и бутылочку крепкого сладкого бальзама, привезённую с собой для особого случая. Наш импровизированный столик на лоне природы вместо свечей озарялся мягким светом заходящего солнца под тихий аккомпанемент плещущихся волн и шелест леса.

– За дивное место, и за нас в этом месте! – приподнимая алюминиевую кружку с налитым бальзамом, с взволнованной улыбкой на лице сказал я.

– Да, за нас – произнесла она, слегка стукнув своей кружкой об мою. – И спасибо тебе за это путешествие! Одна бы я никогда не осмелилась пойти.

– Для первого похода – очень даже неплохо. Цель достигнута. Ты – умница! – смеясь, сказал я. – А за это у меня есть для тебя сюрприз, точнее небольшой подарок... Закрой глаза!

Я вытащил из кармана небольшую коробочку в зелёном бархате и протянул ей.

– Открывай!

– Что это?

– Загляни!

Она подняла плотную крышку коробочки, под которой увидела поблёскивающее кольцо. Её большие глаза растерянно смотрели на меня в ожидании продолжения.

– Ты выйдешь за меня? – улыбнувшись, спросил я.

– Да... – с влажными глазами тихо промолвила она, а после, обняв за шею и нежно поцеловав, уверенно произнесла. – Да!

– Надеюсь, с размером я угадал, – одевая кольцо на её палец, сказал я.

Пока мы счастливыми смотрели друг на друга, неожиданно к нашему романтическому ужину присоединилась рыжая незваная гостья, которая осторожно выйдя из леса, подошла к нам. Осторожно нюхая воздух, лисица пыталась распознать наше меню. Она застыла на мгновение, пристально глядя в глаза, а затем крадучись устремила к палатке. Когда я осторожно последовал за ней, рыжая гостья метнулась обратно в лес, решив, что сейчас не подходящее время для визита. Ночью, лёжа в палатке, мы слышали, что она пришла вновь, очевидно, стащить и распробовать наши харчи, оставленные в тамбуре.

Какого же было наше удивление, когда, проснувшись рано на рассвете, нетронутая провизия была на месте, а вот одна из кроссовок моей суженой пропала. Запасную обувь с собой мы не захватили, а возвращаться босиком, мягко говоря, было проблематично. Поэтому мне ничего не оставалось, как

заняться поиском пропажи в ближайшей окрестности. К нашей общей радости, после непродолжительных блужданий по лесу, я обнаружил в канаве ценную грязную кроссовку с разгрызенным шнурком. А после, спокойно позавтракав, мы разобрали своё пристанище и покинули укромный уголок помолвленными.

По возвращению домой мы наметили наше бракосочетание на февраль следующего года, а до этого времени решили подкопить денег на свадьбу и свадебное путешествие. Кроме того, моей невесте надлежало защитить кандидатскую диссертацию, которой она занималась все последние три года.

За повседневной рабочей суматохой и бытовой суетой мы не успели оглянуться, как в почётный караул заступил 2017 год. Первые новогодние выходные мы посвятили друг другу и своим планам о предстоящей свадьбе. Определившись с датой, платьем, костюмом и направлением для путешествия, мы очертили круг родных и близких людей, с которыми захотели разделить столь важное для нас событие. По обоюдному согласию в этот круг вошли мои отец, дед с бабушкой и двоюродная сестра.

Сразу после выходных, возвращаясь с работы, я купил мандарины, бутылку шампанского и зашёл в гости к бабушке и деду, чтобы вручить приглашение на свадьбу.

– Ну, давай, с наступившим Новым годом и Рождеством! Молодец, что зашёл! – поднимая бокал с шампанским, произнёс дед, когда отец, бабушка и я, уселись в большой ком-

нате за накрытым наспех столом. – Ты чего не заходил в новогодние выходные?

– Не успел, дед, хлопот много, – ответил я.

– Что уж в праздники работаешь? – пригубив игристого винца, поинтересовалась бабушка.

– Нет, – улыбаясь ответил я и протянул ей свадебное пригласительное. – Вот, это вам. Будем рады вас видеть!

– Это что? – недоумённо спросила бабушка. – Дед, посмотри, а то я не вижу.

– Женишься, что ли? – надев очки, спросил меня дед. – Но, надо же...

– Да, женюсь, – улыбнувшись, ответил я.

– Ой, поздравляю! – промолвила бабушка. – Дед, обнови бокал! За такое дело не грех и выпить.

– Ну, поздравляю тебя и будьте счастливы! – произнёс воодушевлённый дед. – Надо было с невестой прийти, познакомились бы!

– Так пожалуйста, приходите на роспись, заодно и познакомитесь.

– Одна-то я никуда не хожу уже, только с дедом, – заговорила бабушка. – А когда будет-то?

– В феврале. Время и дата в пригласительном написаны.

– Постараемся с дедом дойти, – ответила бабушка, а после перевела свой размытый взгляд на сидящего отца. – Ты бы хоть сказал что, поздравил бы. Сын женится!

– Без тебя разберусь, – буркнул отец.

– Где вы познакомились, и чем она занимается? – начала свой допрос бабушка. – Местная она или приезжая?

За всё время пока длилась дознавательная процедура в отношении моего выбора невесты, отец не проронил ни слова, уставившись в негромко работающий телевизор. Когда стариковское любопытство было удовлетворено, бабушка решила сразу позвонить моей сестре и рассказать последнюю новость. После непродолжительного разговора она передала телефон мне.

– Привет, ты женишься! Поздравляю тебя, – произнесла на другом конце сестра.

– Привет, спасибо, – радостно ответил я. – Приглашаю тебя на бракосочетание. Бабушке с дедом и отцу приглашение принёс, до тебя, наверно, уже не доеду, поэтому приглашаю по телефону!

– Спасибо, постараюсь прийти, – задумчиво ответила сестра. – А кто ещё будет?

– Самые близкие. Родственники будущей жены, наши друзья и мои родственники по маминой линии – двоюродные тёти и дядя со своими семьями.

– А, понятно. Ладно, хорошо.

Закончив говорить по телефону, я ещё недолго посидел, а после поспешил домой, где теперь меня ждала она.

Через две недели мы выяснили, что ждём своего первенца. Благодаря неплохой врождённой интуиции я знал и заверил свою половину, что будет сын. Пребывание на седьмом

небе от переполнявшего нас счастья неожиданно прервалось первым совместным испытанием, когда возникла угроза прерывания беременности. За две недели до свадьбы моя невеста была вынуждена лечь в больницу. Конечно, данное обстоятельство заставило нас отказаться от запланированного путешествия с девятичасовым перелётом, дабы не подвергать риску здоровье и жизнь обоих. Мы договорились, что пока ничего никому не будем рассказывать, чтобы не провоцировать лишнюю суету и избежать ненужной паники вокруг. Единственной, посвящённой в наши перипетии, стала жена моего двоюродного дяди, к которой, как к надёжному соратнику, я обратиться за помощью для возврата от туроператора уплаченной немалой суммы за уже неосуществимое свадебное путешествие.

Когда по заверению врачей угроза миновала, мою суженую выписали из больницы, и мы в срочном порядке возобновили приготовления к свадьбе. А за пару дней до торжественного события раздался телефонный звонок от бабушки.

– Привет. Как поживаешь? – поинтересовалась она.

– Привет, бабушка. Как? Суетимся! Готовимся к свадьбе, – ответил я.

– Ну молодцы! Я звоню сказать, что мы с дедом не сможем прийти, – неожиданно произнесла она. – Деду надо уехать, а я без него не дойду.

– Как? Куда? – спросил я. – Прямо что-то безотлагательное

и срочное?

– Да, не знаю, – путанного начала объяснять бабушка. – У нас вот в этот день пенсия ещё. Её домой приносят, а если не получим, так потом придётся идти в Пенсионный за ней...

– Так, если дед уезжает, он её и так не сможет получить?

– Ну... да, может ещё не поедет... Ты не обижайся на нас.

– Да, конечно. Свадьба единственного внука – достаточно заурядное событие, которое ничем особо не примечательно. Я понимаю, – недовольно ответил я.

– Но не обижайся, – повторила бабушка. – Я твоему отцу сказала, чтобы он сходил. Отец же всё-таки...

– Хорошо. Я понял, – оборвал я. – Ладно, пока. Созвонимся.

Следующим днём, уже традиционно, раздался звонок от сестры, которая незамедлительно тоже решила уведомить меня о невозможности присутствия в ЗАГСе.

– Привет. Слушай, я что-то приболела, поэтому прийти не смогу, – услышал я в трубке, как мне казалось, ожидаемые слова.

– Привет. Ну ладно, – безразлично ответил я. – У деда с бабушкой тоже какие-то обстоятельства, то ли пенсия, то ли ещё что...

– Да, я им звонила вчера, они вроде пенсию ждут в этот день, – пролепетала сестра.

– Не важно. Хорошо, я понял.

Где-то в глубине души я полагал, что никто из родствен-

ников отца не придёт. И не потому, что не посчитают нужным, а потому, что неловко или даже страшно. Ведь предстоит встретиться с родными и близкими с маминой стороны, а как в подобных случаях говорят: «Чует кошка, чьё мясо съела».

В назначенный день я и без пяти минут моя жена подъехали к крыльцу городского ЗАГСа, где нас ожидали приглашенные гости. В свадебном белом платье и коричневом костюме мы поставили свои подписи в книге актов гражданского состояния и, обменявшись обручальными кольцами, по традиции скрепили свой союз прилюдным сдержанным поцелуем.

Первыми нас поздравили моя старшая двоюродная тётя и новоиспеченная тёща. А после мы принимали поздравления от теперь наших общих родных и близких, знакомых и друзей – всех, кто решил разделить с нами радость от этого события. Среди приглашенных гостей были и дядя Саша с тётей Ирой, с которыми после смерти мамы я не переставал поддерживать тёплые отношения. Пришли все, кроме моих бабушки, деда, сестры и отца.

Вечером за домашним свадебным столом под крики «Горько!» мы с женой поведали всем присутствующим, что наше свадебное путешествие откладывается в связи с переходом в режим ожидания появления на свет сына.

На следующий день бабушка непременно решила напомнить о себе телефонным звонком.

– Ой, привет! – волнуясь и тяжело дыша, промолвила бабушка. – Ну, тебя можно поздравить с бракосочетанием?! Мы с дедом желаем вам счастья и любите друг друга!

– Спасибо, – сухо произнес я, не желая особо разговаривать.

– Зайди к нам хоть как-нибудь, познакомь со своей женой.

– У вас была возможность познакомиться с ней вчера, на свадьбе.

– Ну не обижайся. Мы пенсию ждали дома, а то пропустим, потом неудобно идти за ней в Пенсионный, – опять начала бабушка.

– Да, я слышал. Лучше пропустить свадьбу внука, – ответил я. – У вас у каждого возникли какие-то непреодолимые обстоятельства.

– Но... твоя сестра приболела, а отца я вчера гнала! Говорила ему: «Ты же отец! Как не пойти к сыну на свадьбу? Сходи! Единственный же сын жениться!» ...

– Всё, ладно. Свадьба закончилась. Что сейчас переливать из пустого в порожнее.

– Не обижайся, пожалуйста, – робко ответила бабушка. – Вы послезавтра уезжаете?

– Нет, не уезжаем!

– Почему? Что-то случилось?

– Да. Планы немного изменились.

– Вы ребёнка что ли ждёте?

– Вроде как, да, – неохотно ответил я.

- Кого и когда? – оживлённо поинтересовалась бабушка.
- Сына. Где-то в сентябре.
- О, поздравляю! Ну и хорошо! Зайди к нам как-нибудь.
- Ладно, бабушка, посмотрим. Будет время, заскочу.

Закончив недолгий разговор, я решил, что не хочу и не буду знакомить свою жену с родственниками отца. Может когда придёт время или подвернётся случай, но точно не сейчас.

Понимая, что время пролетит быстро, вдвоём мы начали обустривать наше семейное гнездо и готовиться к появлению нового маленького человека. А что до отца, то он даже не попытался объяснить или найти причину своего неприхода на свадьбу и не посчитал нужным хотя бы по телефону поздравить меня с важным событием в жизни.

Спустя семь месяцев, тёплым сентябрьским вечером 2017 года, после десяти часов томительного ожидания, мне вручили свёрток с новорожденным сыном, который сразу притих и заснул на моих руках. Пока в родовом зале жену приводили в порядок, я переполняемый радостью с первенцем на руках и глуповатой улыбкой на лице, три часа наматывал круги по широкому пустынному коридору родильного дома. Утомлённым, но счастливым я вернулся домой уже за полночь и разослал сообщения о появлении сына родным и друзьям, в том числе и отцу.

Через несколько дней, когда жена с сыном были уже дома, в изрядно пьяном состоянии отец решился набрать мой

номер.

– Здорово! Тебя можно поздравить с рождением сына? – медленно выговорил отец.

– Можешь поздравить, – ответил я. – Тебя тоже можно поздравить с внуком и новым званием «Дед».

– Молодец! Вырасти из него настоящего солдата!

– Ну уж нет! Я скорее постараюсь воспитать мужчину.

– Да? Это каким же?

– Каким? С головой на плечах. Чтобы имел собственное мнение, умел и не боялся брать ответственность на себя.

– О, ну ты-то, конечно... – резко замолчав, отец неожиданно спросил. – Чё и крестить будешь?

– Буду.

– А жена не против?

– Нет. Она сама крещённая, – недопонимая к чему этот разговор, я поинтересовался. – А сам? Ты вроде тоже хотел?

– Хотел, но что-то никак не дойду... – промямлил отец. – Внука-то можно будет увидеть?

– Можно. Месяц пройдёт, созвонимся и договоримся. Только сразу прошу, приходи трезвым! Мне тут перегаром не надо дышать.

– Дурак, что ли?! Я не пью! Только немного пива выпил, – нервно произнёс отец. – Я что-нибудь куплю и приду.

– Ничего не нужно! Просто сам приходи.

Пройдёт месяц, второй и третий, но отец не соберётся и не дойдёт до нас. Я буду надеяться и ждать его в гости, чтобы

познакомить с женой и сыном, но мои ожидания останутся только моими ожиданиями.

ГЛАВА 12. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Настоящая семья должна быть крепостью, где каждый из обитателей чувствует себя защищённым и сопричастным к любым событиям, происходящим в её стенах. Возведение крепостных стен, как и любого надёжного сооружения, невозможно без прочного фундамента, которым в семейном деле служат традиции. Каждой новой семье следует перенимать традиции, сложившиеся в других поколениях, или создавать свои собственные, чтобы каждый член семьи с малых лет сохранял в памяти ту нужную связь со своей крепостью.

Создавая семью, меня периодически одолевали мысли о том, насколько дружной и прочной получится моя крепость и хватит ли нам сил, терпения и взаимопонимания.

Судьба не заставила нас долго ждать, решив испытать на прочность наш семейный новострой, когда в шестимесячном возрасте у сына начались периодические лихорадки. Каждые две-три недели температура его маленького неокрепшего тела беспричинно поднималась до сорока с лишним градусов и держалась до трёх суток, толком не сбиваясь различными препаратами. Пока врачи тщетно пытались понять, что с нашим ребёнком, перебирая возможные диагнозы, проходили месяцы. А мы каждые две-три недели круглыми сутками жили с раскалённым сыном на руках, который ещё не ходил и не говорил, а лишь беспомощно смот-

рел большими глазами. По истечении трёх дней измотанный гипертермией сын и мы, измотанные бессонными ночами и нервным перенапряжением от абсолютного неведения происходящего, пытались перевести дух и набраться сил до очередного температурного скачка.

Моё общение с родными свелось к минимуму. Занимаясь семьёй и решением семейных проблем, я всё реже находил время и желание для своих формальных визитов и телефонных звонков бабушке и деду. Со своей стороны, потеряв или сломав свой мобильный телефон, отец вообще перестал звонить мне. Его существование окончательно подчинилось упорной и неравной борьбе с алкоголем посредством максимально возможного его поглощения.

Наступил 2019 год. Морозным февральским вечером, закончив работу, я решил навестить стариков, у которых не появлялся с прошлого года. С красным от мороза лицом я позвонил в их дверь, но мне никто не открыл. После череды продолжительных трезвонов за дверью вдруг послышалось шевеление и раздался треск дверного замка.

– Это ты? Заходи, – отозвался нетрезвый голос деда, стоявшего в полумрачной прихожей.

– Привет, дед, – сказал я. – Я уж подумал, что дома никого!

– Нет, дома. Звонок не слышу! Проходи в большую комнату, бабуля там.

Разувшись и сняв куртку, я приоткрыл дверь в маленькую

комнату отца. Тусклый свет прихожей, проشمыгнув в комнатный мрак, осветил старый продавленный диван с бесчувственно лежащим на нём отцом и стоящие на полу бутылки. В тяжёлом воздухе смешивались тошнотворные запахи перегара, грязи и какой-то вони. Молча закрыв дверь, я последовал в большую комнату.

– Бабушка, привет.

– О, привет, – ответила она, сидя напротив нечётко показывающего телевизора. – Как хоть поживаешь? Давно не заходил.

– Всё нормально, работаю, – ответил я, присев рядом на диван.

– Как сынок? – поинтересовалась она. – Сколько уж вам?

– Год и пять. Растём, не без сложностей, конечно.

– На кого хоть похож?

– Не знаю, пока трудно сказать. На себя, наверно, – произнёс я. – Вы как поживаете?

– А что мы? Живём... – глядя в экран телевизора, отрешенно произнесла бабушка. – Лучше-то не будет, не молодеем же! Из дома я уже не выхожу, тяжело. Твой отец так и пьёт беспрестанно. Дед только иногда до магазина ходит и обратно. Сестра твоя не работает, так вот она к нам приходит, то продукты принесёт, то лекарства. На Новый год твоя тётя с семьёй приезжала из Германии. Вместе с ними встречали!

– Ну, здорово! Она и муж где работают?

– Ой, толком не говорят! Сначала на пособия жили, по-

ка учили язык, потом он вроде охранял школьную велосипедную стоянку. Как-то говорили, что устроились уборщиками, подъезды вместе мыли. Квартиру-то им предоставили, на жизнь хватает, – с грустью произнесла бабушка. – Сам-то всё там же работаешь?

– Да. Как после института устроился, так и работаю на одном месте.

– А кем ты там?

– Сейчас начальник отдела, – тихо ответил я.

– Молодец. Расти дальше.

– Это не от одного меня зависит, – улыбнувшись произнес я.

Замолчав, я окинул взглядом комнату, где когда-то проходили праздничные семейные застолья. Многие вещи и предметы были теми же, как раньше. Заляпанные стеклянные полки и зеркала сервантов, покосившиеся дверцы антресолей и хаотично расставленные банки с лекарствами и другими предметами на полках шкафов создавали ощущение, что комната состарилась вместе с её обитателями. Я уставился на небольшие настенные часы, стрелки которых показывали семь часов, когда в комнату вошёл дед.

– Чайник вскипел, пойдём, чаю хоть выпьешь! – раздался хмельной голос деда.

– Иди. Замёрз, наверно, с улицы, – добавила бабушка. – Дед, я спать пойду. Устала что-то уже.

Встав с дивана, бабушка осторожно проследовала в спаль-

ню, а я вслед за дедом отправился в кухню. На небольшой грязный стол, дед выложил порезанный хлеб, сухое печенье и кусок небольшого сливочного масла.

– Дед, пожалуйста, не суетись! Ничего не надо, – сказал я, присаживаясь на табурет. – Я просто попою чай.

– Может выпьешь? – спросил дед, вытащив из-под стола открытую бутылку какой-то бормотухи. – Давай, налью?

– Не, дед, спасибо. Я лучше горячего чайку.

– Ну как хочешь. А я вот выпью! – произнёс довольный дед, наливая сомнительный напиток в чашку. – Говорят: «Истина – в вине!».

– А здоровье – в воде, – улыбнувшись, добавил я.

Налив мне чаю в плохо вымытую кружку, дед присел за стол. Опрокинув одним махом содержимое чашки, он наморщил лоб и откусил кусок хлеба, а после перевёл свои неясные глаза на меня.

– Ну как хоть живёшь? Как семья? – отрешенно спросил он.

– Живу и слава Богу! И моя семья тоже...

– Сколько зарабатываешь-то?

– На жизнь хватает, – с улыбкой ответил я. – Был бы не против, если бы платили больше!

– Я вот пенсию хорошую получаю. Заработал за свою жизнь, – произнёс дед. – А эти охламоны – твоя тётка с мужем, не пойми где работают... зато в Германии! И сестра твоя не особо-то стремится на работу! Живут как-то...

– Это их выбор, – ответил я. – Я, например, не могу себе позволить такую роскошь, как не работать.

– Твоему отцу тоже ничего не надо. Всю пенсию пропивает, – помолчав некоторое время, дед поинтересовался. – Он ведь так и не видел твоего ребёнка?

– Нет.

– А это... у тебя кто хоть? Сын или дочка?

– В смысле? – помолчав, переспросил я, поскольку услышанный вопрос загнал меня в ступор. – Вообще-то сын!

Дед кряхтя встал с табурета и подошёл к замёрзшему окну. Вытащив из пачки сигарету, он открыл оконную форточку и начал прикуривать. Я сидел в недоумении от услышанного вопроса и наблюдал за ним, не понимая, что это было. Может некое проявление старческого?! Но имена и тем более половую принадлежность двух других правнуков – детей сестры, дед никогда не забывал и не путал. Глядя на морозный воздух, льющийся белыми клубами из открытой форточки, я задавался вопросом «Что я здесь делаю?».

– Ты в церковь-то ходишь? – пуская табачный дым в форточку, вдруг спросил дед.

– Иногда, когда есть потребность.

– И в Бога веришь?

– Верю, – глядя на деда, произнёс я. – Думаю, без веры жить тяжелее...

– А я вот что-то разочаровался, – глядя в окно, сказал дед, постепенно окутываясь табачным дымом, врывающимся

вместе с морозным воздухом обратно в кухню. – Я думал, что если покрещусь, то мне будет легче жить что ли?.. А в итоге что? Одного сына похоронил, другой пьёт беспробудно, дочь уехала...

– Дед, ты серьёзно? Ты правда думал, что крещение, как волшебство, избавляет от проблем и тягот? – с удивлением спросил я. – Может это проверка на вшивость? В смысле проверка твоей веры на прочность, выстоит или нет?

– Не знаю... Не так я себе представлял это...

– Ну, как говорят: «Человек предполагает, а Бог располагает», – ответил я. – Знаешь, я тоже не предполагал, что всё сложится именно так и искренне хотел, чтобы получилось по-другому...

Для меня вопрос религиозной веры всегда был делом крайне личным, если даже не сказать интимным, а вероисповедание незнакомого или малознакомого собеседника всегда являлось одной из табуированных тем для расспросов. В кого или во что верить или не верить – каждый решает для себя сам.

Осмелюсь предположить, что в течение жизни почти у каждого рано или поздно срабатывает пусковой механизм, и человек пытается найти для себя ответ на вопрос о вере. Нашував кажущийся верным ответ, человек идёт своим путём, который не бывает прямым и гладким. Следуя им, каждый вынужден проходить через завесы сомнений, раздумий и колебаний. Некоторые проходят этот путь, кто-то следу-

ет им до последних дней, кто-то сворачивает, а кто-то просто не находит. Помимо времени, места и жизненных обстоятельств, на выбор пути влияние оказывает и семья.

Докурив, дед хлопнул форточкой и налил себе ещё из бутылки.

– Чай будешь ещё? – растерянно спросил он.

– Нет, спасибо. Я уже пойду, – поднявшись с табурета, ответил я и поставил кружку с недопитым чаем в кухонную мойку.

– Ты заходи хоть, не забывай, – шаркая за мной в прихожую, произнес дед. – Я бы хотел правнука-то увидеть! Может с ним как-нибудь зайдешь?

– Посмотрим, дед, как получится.

Пожав напоследок его худую и жилистую руку, я вышел из подъезда на трескучий мороз. Во многих окнах соседних домов горел тёплый свет, согревавший в этот вечер семьи, счастливые и не очень. На улице не было ни души, и стояла непривычная тишина, которая, словно благодатная почва, способствовала размышлениям и воспоминаниям. Под хруст снега под ногами, удаляясь от дома бабушки и деда, мыслями я вернулся на четырнадцать лет назад, когда пришёл сюда, чтобы напомнить о своём существовании и попытаться склеить разорванную между нами кровную нить. В моей голове всплыл образ мамы, её голос и слова, сказанные о родственниках. Я вспомнил свою свадьбу и рождение сына, слова деда... Нить оборвалась. Мы уже чужие...

Подойдя к дому, где меня ждали жена и маленький сын, я вошёл в подъезд с окончательным решением прекратить изжившие себя отношения с некогда родными для меня и больше не приходить в их дом.

ГЛАВА 13. РАВНОДУШИЕ

В далёком детстве изображение привычного и узнаваемого образа смерти в виде скелета, облачённого в чёрный балахон с капюшоном и косой в руке, вызывало у меня леденящий страх, а от произнесённого вслух слова «смерть» становилось необъяснимо тревожно. Спустя время начинаешь осознавать, что смерть – неизбежный финал всего живого. Да печальный, иногда трагический, нелепый, несвоевременный... После безвременного ухода мамы я научился уважать смерть, иногда принимая её, как спасительную неизбежность.

Ход времени шёл своим чередом. Я почти не вспоминал о бывших родных, лишь памятуя о преклонных годах стариков, понимал, что когда-то смерть постучится и в их дом. Но посчитают ли нужным сообщить мне об этом?

С женой сообща мы построили и обустроили новую квартиру и после многочисленных больничных мытарств, наконец-то определились с диагнозом сына, которому к этому времени минуло три года.

В конце пандемичного 2020 года, очевидно, в надежде на соучастие в помощи меня набрала двоюродная сестра и сообщила, что бабушку госпитализировали, а у моего отца отказывают ноги. Для меня её сообщение прозвучало, будто она говорила о дальних родственниках из другого города,

с которыми я почти не виделся и мало что знал об их существовании. Конечно, я почувствовал мучительные нотки угрызения совести, но остался верен принятому решению и ограничился лишь советом о необходимости вызвать отцу скорую помощь или пригласить врача.

Человеческая память избирательна. Она способна хранить разные воспоминания, значимые и не очень, затирая неважное и ненужное. Некоторые воспоминания хранятся благодаря пережитым эмоциям и чувствам, способным при определённых обстоятельствах возвращать в прошлое. Но если в отношении кого-то чувства гаснут, сменяясь безразличием и равнодушием, то постепенно наступает забвение, извлекающее из памяти всё, что когда-то связывало вас.

Почти весь следующий год семьёй мы провели в ожидании второго нового человечка, объясняя сыну, что скоро он перестанет быть самым младшим в семье, и нам потребуются его помощь и участие, как взрослого. В декабре 2021 года, посетив родильный дом второй раз, я получил бесценный и нежный подарок жены – дочку. Устоявшийся быт нашей семейной крепости начал перестраиваться под нужды и потребности новорождённой малышки, которую нам надлежало окружить любовью и заботой.

В последний вечер года, 31 декабря, уложив спать в кроватку дочку, с женой и сыном по традиции, но в этот раз очень тихо, мы сели провожать уходящий год. Находясь в своём уютном доме, рядом с самыми родными людьми за

праздничным столом при свечах, в моей памяти всплывали кадры, как ровно тридцать лет назад, в этот вечер я приезжал с родителями в дом бабушки и деда, чтобы встретить Новый год рядом с мамой и родными. Казалось, это было в чужой, другой жизни...

Первый месяц наступившего года ещё не успел завершиться, когда в бесконечном свитке личных имён дошёл черёд до знакомого мне имени. Придя за своей данью, смерть переступила порог его дома, о чём мне всё-таки решила сообщить сестра, позвонив январским днём.

– Привет, дед умер! – рыдая в трубку произнесла она.

– Привет. Когда? – спросил я.

– Сегодня. Я пришла к ним, а он в кресле, уже холодный, – сквозь слёзы говорила она. – Боже! Бабуля не ходит, лежит, как овощ. Твой отец тоже толком не передвигается, ползает в другой комнате. Дед за ними ухаживал и вот сам...

– Мои соболезнования. Но у него уж возраст почтенный, семьдесят восемь всё-таки. Рано или поздно это бы случилось.

– Так-то да, просто неожиданно. Я с ним ещё вчера вечером разговаривала, а теперь вот...

– Смерть всегда неожиданна, даже если ждёшь, – ответил я. – Я могу чем-то помочь?

– Не знаю. Мама должна прилететь из Германии, – успокоившись ответила сестра. – Ты на похороны придёшь?

– Да, конечно.

– Я тогда напишу тебе где и когда.

– Хорошо. Если что-то понадобится, звони.

Отключив звонок, я молча застыл перед окном, за которым метель кутала город в снежный саван. Я постарался вспомнить нечто, что могло бы позволить ощутить печаль от расставания навсегда с родным дедом. Но либо мы уже давно расстались, либо внутри меня что-то одеревенело. Непонятное равнодушие, будто слова сестры касались некогда общего нашего знакомого.

Через четыре дня со свечой в руках я стоял в церкви рядом с гробом, пока совершался чин отпевания. Среди многочисленных присутствующих стояли моя тётка с дочкой, прилетевшие на похороны, и сестра с моим возмужавшим крестником, которого я не сразу узнал. Выйдя из церкви, сестра предложила поехать вместе с ней и тёткой до кладбища в катафалке рядом с гробом. Пока мы следовали к месту погребения, сестра рассказывала мне о последних месяцах жизни деда. Глядя на него в гробу, я искренне старался вспомнить хоть что-то, чтобы почувствовать утрату, но сердце молчало...

Когда катафалк остановился у ворот кладбища, тётка с необходимыми бумагами отправилась в административное здание, а мы остались с сестрой вдвоём.

– Слушай, я хотела спросить у тебя, – начала она. – Твой отец не ходит. У тебя есть возможность ухаживать за ним?

– А сколько он уже не ходит? – поинтересовался я. – Ты

мне звонила год назад и говорила об этом.

– Ну после того раза, он начал ходить. Я его выходила, выкормила – воодушевленную произнесла она. – И как же мне было обидно, когда он сразу побежал в магазин за водкой. Я на него наорала, конечно, сказала: «Что ты творишь? Только стало лучше и тут же в магазин за пойлом?».

– Ты сама ответила на свой вопрос. Зачем? У меня нет возможности и желания возиться с ним. У меня двое детей, работа. С детьми мне никто не помогает, мы вдвоём с женой.

– Тогда надо что-то решать! Мне бабули хватает, она лежачая. Ладно, когда ещё дед был, а теперь каждый день нужно к ней ездить, – начала причитать сестра. – Я уже просто истощена, морально и физически! У меня сил нет жить на два дома, то у деда с бабушкой сготовить, убратся, то у себя...

– Ты сама-то работаешь?

– Нет. А когда? Тут вон ухаживать нужно, – сидя рядом с гробом, сказала сестра. – А с твоим отцом надо что-то решать! Может в дом престарелых тогда... Его бы врачу показать, может подлечат?

– А врача получается не вызывали?

– Я предлагала, так он отказывается! Скорую как-то вызвала, так они посмотрели на него, сделали кардиограмму и предложили вызвать врача из поликлиники, – произнесла сестра. – Кому охота с таким возиться... Ты тогда узнай хоть, что и как про дом престарелых. Этим же, наверно, должен

кто-то из родных заниматься. Я-то ему в общем никто, у меня и документов нет, а ты сын всё-таки...

– У меня тоже нет никаких документов! – рассержено ответил я. – Ладно, я понял. Схожу, узнаю порядок оформления.

Катафалк остановился напротив коричневой глинистой кучи, наваленной на белом снегу. Бросив горсть земли в могилу, я услышал, как с лопат вниз полетели тяжёлые замёрзшие комья, которые гулко стучались о крышку гроба. Всё закончилось. Деда похоронили рядом с сыном, моим дядей.

Конечно, истинной причиной озабоченности сестры в отношении моего отца был пресловутый квартирный вопрос. Бабушка рано или поздно должна была покинуть этот бренный мир, но в квартире оставался отец, который там был лишним. Как я понимал, стариковская трёхкомнатная жилплощадь была отписана то ли правнуку, то ли сестре, то ли тётке, но ни одним квадратным метром отцу.

Месяц спустя я наведаясь в консультационное отделение социального обслуживания населения, где был вынужден рассказать свою сложившуюся неприятную ситуацию и объяснить желания и намерения родственников в отношении их брата и дяди. К радости, меня выслушала тактичная женщина средних лет, деликатно задавая необходимые вопросы для понимания всех проблем, которые, как я выяснил, имели место быть. Во-первых, требовалась городская прописка по месту жительства, которой у отца не было из-за нежела-

ния его родителей. Во-вторых, поскольку отец стоял на учёте у нарколога, его размещение в доме престарелых было возможным только при наличии первой или второй группы инвалидности, которую, конечно, он не имел. А для получения хотя бы второй группы требовались заключения различных специалистов и по концу заключение медицинской комиссии. В своё время уже проходя этот нервотрёпный лабиринт врачебных коридоров вместе с мамой, я знал, что на это нужно немало времени, а вот нужный результат никто не гарантировал.

Пока я обдумывал и пытался найти какое-нибудь решение, от сестры раздался очередной звонок.

– Привет. Твой отец в больнице, – начала она. – Я ему скорую вызвала, уговорила забрать его в больницу, чтобы хоть подлечили.

– А что с ним? – не понимая, спросил я. – Ты вроде говорила, что его не забирают?

– Бабушке стало плохо, я ей скорую вызвала. Её увезли. Заодно попросила посмотреть твоего отца. Ну, потом и его забрали, – облегченно сказала она. – Я звонила в больницу, говорят, что у него сильная анемия, из-за этого и слабость. Препараты не помогают, сделали переливание крови. Вроде планируют ещё делать.

– Не удивительно. Столько пить!

– Он не ходячий, врач просил привезти подгузники и одноразовые пелёнки. Ты можешь отвезти?

– Да, отвезу. В больницу, наверно, не пускают?

– Нет. Везде карантин по ковиду. Можно только передачу оставить на первом этаже. Я ему отдала телефон деда. Он не звонил тебе?

– Нет и думаю не будет... Кстати, я узнал про дом престарелых, – напряженно начал я. – В общем нужна городская прописка и минимум вторая группа инвалидности.

– Почему?

– Потому что стоит на учёте.

– Ну, ладно, – помолчав, произнесла сестра. – Он сейчас в больнице, какие-то результаты анализов и заключения будут. Остальных тогда через терапевта собирать.

– Мне ничего другое на ум не приходит.

– Я поняла.

На следующий день я отвез в больницу сумку со всем необходимым, вложив листок с отделением, номером палаты и фамилией. А через три дня в моём телефоне вновь раздался взволнованный голос сестры.

– Привет, бабуля умерла, – рыдая, произнесла она. – Из больницы позвонили, сказали, что всё.

– Очень жаль, но она уже мучилась, – старясь подобрать слова ответил я, понимая, что меня вновь не задевает за живое данное печальное известие. – Ты сама говорила, что она уже просто лежала.

– После смерти деда она толком ничего не ела. Извела себя, тосковала... – не унималась сестра. – У деда только

недавно сорок дней было, и вот опять хоронить.

– Чем-то нужно помочь?

– Нет, наверно. Хоронить будем рядом с дедом. Я тебе напишу, когда будут похороны.

– Ладно.

Накануне очередных похорон, купив по дороге домой цветы, я почувствовал себя плохо. Температура, сильная слабость и не унимаемая тошнота очень походили на пищевое отравление. Но принимая во внимание тот факт, что я не посещал никаких заведений общепита, а питался исключительно дома, даже в обед, травиться было нечем. Всю бесконечную ночь, заливая в себя розовый раствор марганцовки, я провёл в обнимку с верным фарфоровым другом. Измотанным и обессиленным под утро, я был не в состоянии ехать на бабушкины похороны. Написав сестре сообщение и предупредив коллег на работе, после десяти часов утра незаметно я погрузился в царство Морфея. Были ли это происки судьбы или чьё-то намерение, но спустя три часа я проснулся. Внутренняя буря утихла, и я чувствовал лишь слабость и невыносимое чувство голода.

А к вечеру, конечно же, на моём телефоне раздался звонок от сестры.

– Привет, – произнёс в трубке знакомый, но не сестрин голос.

– Здравствуйте, – заторможено ответил я, соображая, что это был голос тётки, сестры отца.

– Ну и почему ты не пришёл на похороны бабушки? – недовольно спросила она.

– Очень плохо было, видимо, отравился, – ответил я, понимая, что сейчас начнётся выяснение наших отношений. – Я же написал сообщение, что вряд ли смогу подъехать.

– Ты-то написал, но я вот этого не понимаю! Неужели нельзя было выпить таблеток и приехать?

– Ну не получилось!

– А как же теперь твоя совесть?

– Это моя совесть. На том свете разберутся – кто из нас прав, кто виноват, – спокойно ответил я.

– На том? А на этом как? – не унималась тётка. – Ты бабушку больше не увидишь! Это был последний раз! Как будешь теперь жить?

– Как и жил.

– Она всегда ждала тебя, когда ты придешь к ней! Она любила тебя больше остальных, я даже не знаю, почему? Ждала, ждала тебя, а ты и не пришёл...

– Это спорный вопрос... и ваше мнение. Я так не думаю.

– Нет, ты не знаешь, потому что тебе было плевать на них! Ладно, я не говорю про твоё отношение к бабуле и деду, но то, как ты поступаешь с родным отцом!?

– Не переживайте, это тоже останется на моей совести...

– Нет у тебя ни стыда, ни совести! Вот увидишь, тебе всё воздастся за твоё отношение к отцу, – гневно сказала тётка и отключила звонок.

Я застыл с телефоном возле уха, находясь в ступоре от услышанного. Конечно, правда у каждого своя... а до их правды мне уже не было никакого дела.

Вдруг спустя пару часов мой телефон вновь зазвонил, на дисплее которого высветился незнакомый номер.

– Алло, – осторожно и тихо сказал я.

– Здравствуй, – произнёс в трубке незнакомый голос, – Это бабушкина сестра тебе звонит. Я попросила номер у твоей сестры.

– Да, здравствуйте, – настороженно ответил я, в ожидании, что сейчас получу очередную порцию проклятий на свою голову от неё, которую за всю жизнь я видел раза три-четыре и те на празднованиях юбилейных дат бабушки.

– Сказали, что ты не смог сегодня прийти на похороны?

– Да. Плохо было, – резко ответил я. – Съезжу потом один на выходных!

– Ну ничего. Конечно, съезди, – тихо ответила бабушкина сестра. – Я сама опоздала на похороны, да ещё не получилось цветы купить. Так ты знаешь, твои тётя и сестра мне наговорили всякого, что мне аж не по себе стало! В мои семьдесят семь ещё стыдить начали...

– О, так вы в этом не одиноки! Мне тётка уже позвонила и наговорила кучу гадостей и проклятий, – облегчённо ответил я. – Сказала, что мне всё воздастся за отца.

– Пожалуйста, не обращай на них внимания. Они другой нашей сестре тоже наговорили. Она мне сейчас звонила и

спрашивает: «Как это вообще понимать и как относиться?».

– Видимо, решили на бабушкиных похоронах выяснить отношения со всеми, а может окончательно сжечь все мосты. Не знаю.

– Ой! Если бы ты знал, как мне обидно за сестру! В какой грязи она умирала. Я последние месяцы-то на выходных приходила к ним, ещё дед был жив. Так туалет толком не работал, а в кухонной мойке вода еле-еле – посуду не помыть! За окнами, наверно, улицы не было видно, все грязные, полы тоже... Я говорила твоей сестре: «Трудно слесаря вызвать что ли? Ничего не работает...».

– Как? На похоронах деда, она мне рассказывала, как устала и истощена, поскольку вынуждена жить на два дома?!

– Что ты! Она мне тоже много чего говорила! Я не верю ни единому её слову! Сама не работает, и ничего она не делала там! Разве что покупала продукты и лекарства! Так они ей всегда давали с пенсии и на продукты, и за коммуналку заплатить. Однажды твоя сестра мне заявила, что я должна приезжать на неделе и ухаживать за бабушкой. На что я ей ответила: «В свои семьдесят семь я ещё работаю и могу приезжать только на выходных!», но не знаю, что она подумала про меня...

– Перестаньте! Не надо было оправдываться перед ней!

– Твой отец всегда был очень рад видеть меня и то, что выговаривала сестре. Он не звонил тебе?

– Нет, не звонил.

– Я ведь ему неоднократно говорила: «Возьми телефон, позвони сыну, поговори!». Сейчас вот в больнице с анемией. Конечно, так пить – до добра не доведёт, но сейчас ему вроде стало полегче. Наломал дров, конечно... Он своего внука-то так и не видел?

– Нет, хотя я ждал. Я очень ждал, что придёт просто посмотреть. Сейчас у него уже и внучка есть.

– Ой, поздравляю! А сколько ей?

– Три месяца.

– Я попрошу его позвонить тебе, а тебе и твоей семье крепкого здоровья и счастья!

– Большое спасибо, но он не позвонит. И вам крепкого здоровья!

Ранним субботним утром я взял из вазы завёрнутые в бумагу цветы, купленные по случаю кончины бабушки и поехал на кладбище. Пробравшись по заснеженным дорогам до места, я увидел два холмика замёрзшей твёрдой земли с возвышавшимися над ними деревянными крестами, на одном из которых была приколочена табличка с бабушкиным именем. Положив цветы на её могилу, я застыл молча возле. Вокруг не было никого. Лишь стылый ветер одиноко скользил по заснеженной земле между чернеющими надгробиями. Присев на корточки между могил деда и бабушки, я тихо произнёс:

– Я хочу, чтобы вы знали, что я не держу на вас зла или обиды. Последнее время мы не общались с вами, но, увы, так

бывает в жизни. Иногда люди расстаются, даже если они когда-то были близки. Формальные отношения, которые становились в тягость, поддерживать уже не имело смысла. Возможно, нам тоже суждено было расстаться. Я не знаю... Получилось так, как получилось. Простите, если был не прав или обидел вас! Прощайте!

По дороге домой я перематывал последние события, встречи, разговоры и в очередной раз думал о том, если бы в далёком прошлом мне сказали, что всё случится именно так, я вряд ли смог поверить в это, но...

Наступил июнь. Земля, пробудившаяся от затяжного зимнего сна, вновь дарила новую жизнь. Молодые травы и лисья вместе с первыми цветами украшали наш северный край.

В рабочий четверг я увидел на телефоне пропущенный звонок от сестры. Спустя три месяца, когда вместо неё я имел удовольствие пообщаться с тёткой, это был её первый звонок. Погрязнув в рабочих делах, и говоря по правде, не имея особого желания для общения, я не перезвонил ей в этот день. Со своей стороны, сестра тоже не решилась позвонить ещё или хотя бы написать сообщение. Следующим днём я вновь увидел пропущенный звонок от неё. Освободившись через некоторое время, я перезвонил.

– Привет. Ты звонила мне? – сухо спросил я.

– Привет. Да, я тебе ещё вчера звонила, – ответила сестра. – Хотела сказать, что твой отец умер. Завтра похороны. Смерть уверенно переступила порог дома бабушки и де-

да в третий раз. Оторопев от услышанного, на мгновение я замолчал.

– Когда? – спросил я.

– Вчера. Видимо, ночью, – растерянно ответила сестра. – Он звонил около двух часов ночи. Мы, конечно, спали. Утром я стала звонить, он не ответил. Приехала, а он лежит уже холодный и кругом разбросаны таблетки...

– Что за таблетки?

– Ему прописали в больнице, для сердца. Он последнее время принимал их, – недолго помолчав, сестра продолжила. – Ему ведь лучше стало. Он последнее время даже сам выходил на улицу, сидел на скамейке возле подъезда. Я обещала ему, что отвезу на могилу к бабушке... теперь вот повезу.

– Хоронить рядом с дедом и бабушкой?

– Да, там ещё место есть. Ты придёшь?

– Конечно. Во сколько и куда?

– К моргу, к десяти утра. Завтра оттуда его надо забрать и на кладбище. Отпевать не будем, он же не крещённый?

– Нет. Насколько я знаю, не был, – растерянно ответил я. – Я тогда возьму с собой термос с чаем и ещё что-нибудь, помянуть на кладбище.

– Да. Я тоже возьму.

– Ты мне, пожалуйста, скажи сколько ты заплатила за всё. Я тебе отдам или переведу на карту.

– Ладно, чеки возьму. Тогда до завтра.

Пустота. Во мне был вакуум. Я не понимал своих ощущений – ни очевидной печали, ни сожаления, ни агрессии, ни возможного успокоения...

Следующим субботним утром вместе с двоюродной тётёй и супругой двоюродного дяди – моих родных с маминой стороны, я подъехал к моргу, чтобы забрать тело. Туда же подъехали бабушкина сестра и дядя Саша с тётёй Ирой – те немногие, кто решил проводить отца в последний путь. Сестре выдали медицинское свидетельство о смерти, в котором причиной значилась острая сердечная недостаточность, а потом тяжёлые двери распахнулись, и на грохочущей металлической тележке вывезли тело отца в открытом гробу. Он похудел и состарился, но черты лица в его шестьдесят пять будто остались прежними с последней встречи, сохранившейся в моей памяти.

Сидя возле гроба в катафалке, мы отправились привычным маршрутом на знакомое место, где было приготовлено очередное место для вечного покоя.

Горсть тёплой рыхлой земли из моей руки упала вниз. Свежая могила и третий крест с именем отца над ней. Они были вместе, родные или чужие, дядя, бабушка, дед и мой отец.

Этот день подходил к концу. На ночь перед сном я почитал книгу своему сыну и полежал рядом с ним, пока он тихо не засопел. Оставив его, я тихо вышел из комнаты и заглянул в спальню, где на кровати рядом с дочкой заснула жена.

Дома воцарились умиротворение и тишина.

Вскипятив чайник, я налил в кружку горячий чай и сел в кухне. За окном была белая ночь. Я смотрел, как мимо двигалось низкое хмурое небо, а сильный порывистый ветер раскачивал и выгибал упругие ветки деревьев. Вместе с завывающим ветром стали развеиваться пески времени. Во мне пробудилось забытое и далёкое, и в голове закрутился калейдоскоп воспоминаний об отце. Память рисовала сюжеты, как мы вдвоём ходили через лес на нашу дачу, как он варил нам суп на костре и как помогал мне писать первое сочинение в школе. Я вспоминал последний совместный Новый год в долгожданной квартире, где рядом с нами была мама, и мы были вместе. Воспоминания разноцветными стёклами увлекали меня в мир фантазий и играли с воображением, складывая домашние семейные узоры, в которых в моём доме за большим накрытым столом рядом со мной и женой сидели мои мама и папа. Они поздравляли нас со свадьбой и светились от счастья, держа на руках и нежно целуя своих внуков.